

ЧИНГИЗ АБДУЛЛАЕВ

Местъ женщины

ЭКСМО

СВР: Марина Чернышева

Чингиз Абдуллаев

Зло в имени твоём

«PEN-клуб»

1996

Абдуллаев Ч. А.

Зло в имени твоём / Ч. А. Абдуллаев — «PEN-клуб»,
1996 — (СВР: Марина Чернышева)

В арсенале спецслужб есть одно удивительное и опасное оружие – женская красота. Она сама по себе способна творить чудеса. А если к ней прибавить хладнокровие, мгновенную реакцию, аналитические способности... Именно таким суперпрофессионалом и является Марина Чернышева. Но как далеко может зайти женщина, чтобы, используя свою красоту, достичь цели? Ведь женское тело быстрее пистолета развязывает языки мужчинам.

© Абдуллаев Ч. А., 1996

© PEN-клуб, 1996

Содержание

Эпизод I	5
Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Чингиз Абдуллаев

Зло в имени твоём

Эпизод I

Начало

Женищина – противоположность Денди. Следовательно, она должна внушать отвращение. Женищина испытывает голод – и хочет есть. Испытывает жажду – и хочет пить. Она в течке – и хочет, чтобы ее... Великая заслуга! Женищина естественна, то есть омерзительна. К тому же она всегда вульгарна и, значит, полная противоположность Денди.

Шарль Бодлер. «Мое обнаженное сердце»

Глава 1

Она стояла у здания гостиницы и дрожала от холода. Погода была удивительно солнечная, не осенняя, было достаточно тепло, но она все равно тряслась от холода. Может, это был своеобразный нервный озноб, который начался с того момента, когда она узнала, что должна пойти к этой проклятой гостинице. А может, просто сказывался нервный рефлекс ожидания. Или страх, что ее могут увидеть и узнать старые знакомые по институту. Это было самое неприятное, что могло произойти. О том, что неприятности могли быть еще хуже, она старалась не думать.

Из подъезжающих автобусов и автомобилей выходили холеные красивые мужчины и вызывающе горделивые женщины. От них исходил какой-то непонятный для советского человека магнетизм «личности с той стороны». Глядя даже на спину любого прохожего, можно было определить, кто это: советский человек, пусть даже очень влиятельный чиновник или крупный фарцовщик, одетый куда лучше иностранцев, или же человек оттуда. Может, у них просто была несколько другая посадка головы? Или они чувствовали себя увереннее, чем советские люди? Более независимыми? Она не знала ответа на этот вопрос, но, как и все люди, определяла почти сразу, кто перед ней – наш гражданин «с молоткастым, серпастым» или представитель того загнивающего мира, который так дружно ругали по телевизору и в газетах. Шел тысяча девятьсот семидесятый год, и был самый разгар «холодной войны».

Дважды к ней подходили какие-то подозрительные типы. Один явно был спекулянтом с бегающими глазками и в норковой шапке, несмотря на осеннюю погоду. Как только он показал свою золотую фикса, она все поняла и не стала с ним разговаривать, просто презрительно хмыкнула, и он отстал, поняв тщетность своих усилий. А вот другой, посолиднее, мордастый, с несколько расплывшимися чертами лица, кудрявыми волосами, с небольшим шрамом у подбородка, отставать так просто не хотел, и пришлось отвечать на его идиотские вопросы.

– Ты местная? – наконец спросил он.

– Нет, – ответила она, явно нервничая.

С минуты на минуту мог появиться «ее клиент», а она беседовала с этим красномордым, похожим на сутенера типом.

– Значит, решила прийти сюда, – довольным голосом произнес красномордый, – очень хорошо. Меня Алексеем зовут. А тебя как?

– Лиза, – сказала она первое пришедшее ей на ум имя.

– Хорошо, – неожиданно сказал он, – а тебе сколько лет? Поздно начинаешь, девочка.

– Пошел ты!.. – огрызнулась она.

Он даже не обиделся. Только улыбнулся.

– А ты не ругайся, не ругайся. Ты ведь у нас здесь новичок. А это моя территория. Кто без моего разрешения здесь появляется, мне налог платит.

– Какой налог? – растерялась она.

Про «налог» она ничего не слышала.

– Здесь наши девочки работают. А ты у них клиентов отбираешь, – захохотал красномордый и, вытерев слюну со рта, мягко произнес: – Налог нужно платить. В месяц – две тысячи рублей.

– Сколько?! – ахнула она. – Две тысячи?

– Конечно. Можно и по частям. А можно и натурой.

– Как так? – Она все-таки была очень непонятливым человеком для занятий подобного рода.

– Ну, натурой. За каждый часик будем снимать с тебя десятку, – заулыбался незнакомец.

– Нет, – решительно сказала она, как будто действительно собиралась работать здесь довольно долгое время и не платить налоги этим мародерам.

– Что «нет»? – опешил от такой наглости красномордый.

– Не буду платить, – твердо сказала она.

В эту минуту она даже забыла о своей роли, так полно вписываясь в придуманный образ «девочки у отеля».

– Будешь, – он даже не рассердился, – будешь, милая. У меня здесь все куплено – милиция, швейцары, бармены. Ни одной случки без меня не получится. А попытаешься ловчить – личико тебе порежем. Лезвием тонким носик и щеки. И тогда тебя даже в колонии не захотят трогать. И мать родная не узнает. Понимаешь? – От гнилых зубов несло каким-то особенно неприятным кислым запахом. Она поморщилась, представив себе, сколько молодых девушек попадают к таким типам. Но сейчас нельзя было срывать операцию.

– Черт с тобой, – брезгливо сказала она, – только все вопросы решим завтра. Сегодня мой первый день. Мой клиент скоро будет. Дай мне нормально поработать.

– Никаких проблем. В первый раз все правильно. Ты ведь не знала, что нужно платить. Если спросит кто, скажи, Алексей разрешил, и все будет нормально. Кстати, девка ты хорошая, хотя и наглая очень. Будешь мне платить натурой, я с тебя денег брать не стану.

При одной мысли, что, когда-нибудь с ней в постели может оказаться подобный тип, ее чуть не стошнило. Она выдавила:

– Ладно, Алексей, потом поговорим.

– А французской любовью ты занимаешься? – Он снова показал свои гнилые зубы и захохотал.

В сочетании с модным галстуком и модным плащом эти зубы создавали какое-то фантазмагорическое зрелище. Как картины Сальвадора Дали, подумала она. Интересно, он слышал когда-нибудь о картинах Дали? Наверняка нет.

Она отошла от этого типа, взглянув на часы. «Клиент» должен был скоро появиться. Впервые она с ужасом подумала, что испытывают девицы подобного сорта, когда работают у этих гостиниц. Подумала и содрогнулась от ужаса.

Этот американец появился ровно в три часа. Он вышел из автомобиля, такой высокий, подтянутый, с красиво уложенной шевелюрой. Уже начавшие сесть волосы были зачесаны назад. На нем было легкое серое пальто и темно-красный шарф. Кивнув водителю, он пошел к зданию отеля.

Она оцепенела. Теперь, когда нужно было наконец действовать, она испугалась. Испугалась, словно девочка. Но замешательство было недолгим. Она ринулась к иностранцу.

– Мистер, – сказала она на хорошем английском, – вы не угостите меня сигаретой?

Американец удивленно оглянулся. Заметил ее, сразу изменился в лице. Психологи обратили внимание, что ему нравился именно такой тип женщин – высокие, длинноногие, с удлинёнными чертами лица, крупнокостные, словом, «лошадки», как их называли на своем жаргоне сутенеры и психологи КГБ. И те и другие использовали один и тот же сленг, словно между ними не было разницы. Хотя, если вдуматься, никакой разницы действительно не было. Сутенер Алексей посылал женщин на панель ради личного заработка, а психологи КГБ, отбиравшие женщин на эту работу, действовали так и ради личной заинтересованности. В случае верного «подбора кадров» они получали благодарности, награды, звания. Она и была тем самым «подобранным кадром», который отправили к гостинице «Интурист».

– У меня есть «Мальборо», – ответил американец, доставая пачку и пристально разглядывая подошедшую к нему женщину. Она достала сигарету, он щелкнул зажигалкой.

– Вы хорошо говорите по-английски, – похвалил ее иностранец.

– Учила в институте. А вы англичанин?

– Американец. – Он показал на здание гостиницы. – Может, войдем внутрь? Я вас приглашаю в бар.

– Неудобно. Нас могут увидеть вместе. Вы ведь знаете наши порядки, – она показала на швейцара, – обязательно начнут спрашивать, куда и зачем.

– Это правда, – засмеялся американец.

Он слишком четко выговаривал слова. Это ее немного насторожило. Она знала, что американцы говорят, больше проглатывая слова, а так правильно говорят либо англичане, либо иностранцы. Может, этот тип учился в Англии? Но спрашивать все равно нельзя, иначе он заподозрит собеседницу в слишком хорошем знании английского языка. А это, в свою очередь, может означать, что она подставка КГБ или МВД. В Москве семидесятого года было не так много женщин, пристающих к иностранцам на хорошем английском языке. Они все оказались востребованными в других ведомствах.

– Что нам делать? – спросил иностранец. – Думаете, мы не сможем войти?

– Вы идите первым и ждите меня в баре, а я постараюсь пройти сама, – предложила она.

– Хорошо, – обрадовался американец, – это правильно. Как вас зовут?

– Лиза. – Она второй раз почему-то назвалась этим именем. Может, просто вспомнила Карамзина и словосочетание «Бедная Лиза».

– Роберт, – сказал он, приветливо улыбаясь. От него исходил тончайший аромат французских духов, она не могла определить каких, но это было лучше, чем гнилостное дыхание Алексея.

Когда иностранец вошел в здание гостиницы, она, выждав минуту, пошла следом. Поднялась по ступенькам, но строгий швейцар остановил ее сразу.

– Куда прешь?

– Что вы говорите? – спросила она по-английски.

Но швейцара не так легко было обмануть. Во-первых, они набирались всегда из бывших военных и сотрудников милиции, во-вторых, сразу узнавали «свой контингент», в-третьих, московские церберы отличались редким сволочизмом даже по сравнению с подобными типами из других крупных городов родного отечества и, наконец, в-четвертых, были заинтересованы в обнаружении всех не прописанных в гостинице гостей, так как это сразу увеличивало их материальное благосостояние. И в-пятых, о чем никто и никогда вслух не говорил, заодно они работали стукачами милиции и органов безопасности, причем часто их информация бывала наиболее ценной и значимой.

– Ты мне зубы не заговаривай, – грозно нахмурился швейцар. Раньше он работал надзирателем в колонии и знал, как нужно обращаться с людьми. – Давай уходи отсюда.

– Меня Алексей послал, – тихо произнесла она, решившись произнести имя того типа.

– Так бы сразу и сказала, – он посторонился, – иди, но смотри, без глупостей. Ты, видно, новенькая, я тебя раньше не видел здесь.

Она поспешила в бар. Там уже сидел за столиком Роберт. Увидев ее, он приветливо махнул рукой.

– Заходите, Лиза, – сказал он довольно громко, – я боялся, что вы не сможете проникнуть в отель.

– Это было достаточно трудно, – призналась она.

– О да, – засмеялся он, – я все знаю. У вас борются за нравственность и никого не пускают в гостиницы. Это очень плохо, Лиза, потому что, если двое людей хотят что-то сделать, их не остановить такими глупыми запретами. Что вы будете пить?

– Минеральную воду, – на секунду она забылась, но, поправив себя, произнесла: – И шампанское, конечно.

– Я уже заказал, – признался Роберт, – сейчас принесут.

Она сидела напротив него, оглядывая бар, в который впервые попала. Он был полупустой. Несколько девиц сидели в углу, они явно неодобрительно смотрели на нахалку, осмелившуюся работать «на их территории». В другом углу сидели несколько финнов, для которых самым сладостным утешением была водка, продаваемая без ограничений во всех московских ресторанах и барах. На девиц они просто не обращали никакого внимания.

Официантка принесла бутылку шампанского, фрукты, шоколад, две бутылки минеральной воды. Правда, она не открыла шампанское, и Роберту пришлось приложить все усилия, чтобы пробка не вылетела из бутылки, разбрызгивая вокруг пенящийся напиток. Он наконец справился с этим трудным делом и, разлив шампанское в высокие бокалы, улыбаясь, сказал:

– За встречу.

– За встречу, – подняла она свой.

Потом были обычные разговоры ни о чем, снова бокалы с шампанским, легкая музыка, танцы, вторая бутылка, и, наконец, он предложил ей подняться вместе с ним в номер. Несмотря на выпитое шампанское, уже ударившее в голову, она внутренне сжалась. Она хорошо понимала, что рано или поздно он предложит ей именно это, и сознавала, что отказаться не будет никакой возможности, но все равно его предложение прозвучало для нее слишком неожиданно. Она как-то замялась, даже оглянулась по сторонам. Он терпеливо ждал. Шампанское кружило голову.

– Прямо сейчас? – несколько жалобно спросила она.

– Конечно. – Кажется, он был удивлен.

Господи, подумала она, я ведь знала, на что именно иду. Но вот так сразу?! У нее до этого никогда не было подобного опыта. Если не считать вполне романтических историй, никто никогда не предлагал ей такого через полчаса после знакомства. И она знала, что обязана принять это приглашение.

– Вас что-нибудь беспокоит? – Кажется, он начал понимать ее состояние.

– Нет, – она попыталась улыбнуться, но улыбка получилась какая-то вымученная, – я иду, иду с вами. – Губы предательски дрожали, она боялась неизвестно чего.

Конечно, она давно не девочка, ей все-таки уже за двадцать пять, но вот так, впервые с незнакомым мужчиной... Она не хотела себе признаваться, но действительно боялась. Кроме всего прочего, к страху примешивалось и какое-то болезненное любопытство. Она не знала, как это бывает «в первый раз с иностранцем». И не хотела себе признаться, что ей даже нравятся сидеть с этим хорошо одетым и вкусно пахнущим человеком.

Она буквально заставила себя подняться вслед за ним, пройти холл, войти в лифт. Он вел себя как джентльмен. Несмотря на то что в лифте они были одни, он не сделал даже попытки приблизиться к ней. Затем они долго шли по коридору, и, наконец, он открыл дверь своего номера, пропуская ее внутрь. Пройдя к окнам, он задернул занавески, и в комнате воцари-

лась относительная темнота. Она была благодарна ему за это проявление чуткости. Так ей было легче раздеваться. Нейлоновая комбинация, столь модная в Европе несколько лет назад и только сейчас пришедшая в Советский Союз, потрескивала у него в руках, когда он ее обнял. Она была как застывший памятник, почти не делала никаких движений, только молча позволяла ему снимать эту комбинацию и нижнее белье. Ее бил непривычный озноб.

Ничего особенного она не почувствовала. Он, конечно, пытался возбудить ее, применяя привычные ласки, кусая за грудь, но в этот вечер ее не смог бы расшевелить и сам Казанова. Видимо, мужчина это понял довольно быстро и поэтому сразу перешел к заключительной части их встречи. Она только почувствовала, как он осторожно овладевает ею. Минутная встряска не принесла ничего, кроме оставшегося осадка разочарования и обиды. Он свалился с нее, тяжело дыша. Она с удивлением смотрела в потолок. Вот и все, подумала она. Неужели это так просто и легко, когда с нелюбимым, с незнакомым? Неужели все так просто?

А он, лежа на постели, вдруг повернул голову и на прекрасном русском языке сказал:

– Совсем неплохо для первого раза, младший лейтенант, но только для первого. Нельзя быть столь статичной в постели.

И тогда она заплакала. Уткнулась в подушку и плакала. Словно ее больше всего обидели именно эти, так просто сказанные слова.

Глава 2

– Ты, конечно, поняла свои основные ошибки? – спрашивала строгий преподаватель курсов.

Она была всегда в гражданском, но все знали, что Аркадия Самойловна была подполковником и работала здесь уже много лет. Ей было далеко за пятьдесят, но она еще умудрялась сохранять некоторое подобие фигуры и даже привычную молоджавость. И, конечно, суровость. О ее неизменной суровости и даже жестокости ходили легенды, но они передавались шепотом, ибо в их заведении никогда ничего нельзя было знать наверняка.

– Приняла его за иностранца. Но мне показывали его карточки, – угрюмо сказала она, – я не могла ошибиться. Мне показывали именно его.

– Ах, Марина, когда ты научишься наконец понимать, – укоризненно произнесла Аркадия Самойловна, но без прежней строгости, – нельзя в таких случаях никому верить. Тебе действительно показывали именно его фотографию. Но ведь нужно было проверить. Нужно было обратить внимание на его язык, на то, как он зажигает сигарету, наконец, можно было под любым предлогом выйти из его номера и проверить у дежурного, как его на самом деле зовут.

– Он сказал – Роберт, так и должно было быть по легенде.

– Вот именно, по легенде. Но ты должна все равно все проверить. А если человек, который тебе передал, ошибался, или его обманули, или, еще хуже, он враг?

– Он действительно был не наш?

– Конечно, нет. Неужели ты можешь представить, что тебя отправили бы на иностранца без должной страховки? Мы ведь ничего так просто не делаем. Это был наш инструктор.

Тогда в гостинице она разревелась и, схватив свою одежду, выскочила в коридор, уже не слушая никаких слов «Роберта». И теперь она сидела напротив Аркадии Самойловны, внимая ее замечаниям.

– Почему ты пропустила его в гостиницу и пошла одна? Если бы он был настоящий иностранец, это вызвало бы у него подозрения. Почему ты хочешь пройти сама? Ведь можно было пройти вместе с ним. Так проще.

– Я боялась, что нас не пустят, – ответила она.

– И только?

– Стеснялась, – честно призналась Марина, – думала, нас могут увидеть вместе.

– Это больше похоже на правду, – кивнула строгий преподаватель, – но это все равно ошибка. Потом, дальше, зайдя в бар, ты села спиной к дверям. Ты не видишь, что творится сзади, кто заходит и кто выходит из бара, что там происходит. Всегда садись лицом. Надеюсь, это ты запомнишь?

– Да, но он уже сидел за столиком.

– Значит, нужно было подвинуть свой стул с другой стороны.

Марина промолчала. Умудриться сделать при выполнении одного задания столько ошибок! Неужели ее отправят снова проходить весь этот ад? Словно прочитав ее мысли, Аркадия Самойловна неожиданно улыбнулась. На ее кошачьем лице с уже выступающими старческими усиками было понимание тех обстоятельств, которые выпали на долю молодой женщины.

– А вообще-то, – подвела она итог, – вела себя неплохо. Как профессиональная проститутка, хоть и начинающая. Будем считать, что это испытание ты прошла. К тебе даже приставал местный сутенер. А у них глаз наметанный. Видимо, понял, что ты новенькая, и решил сразу заарканить. Это хорошо. Хуже, что ты вела себя в постели как чучело. В таких случаях нужно просто получать удовольствие. Учись у мужчин. Думаешь, им нравятся все женщины, с которыми они спят? Как бы не так. Мы нужны им для коллекции. Вот и ты считай, что собираешь очередного мужчину для коллекции. Это просто. И очень обидно для мужчин.

– Противно, – честно призналась молодая женщина.

– Такого слова в нашей работе нет, – строго одернула ее Аркадия Самойловна. – Ты еще не видела наших «птичек», просто пошла к гостинице, чтобы один раз пройти через это. А они работают в гостиницах постоянно. И все время в таких условиях.

– Какие «птички»? – не поняла Марина.

– Узнаешь еще. И всегда помни – ты не просто разведчик. Тебя готовят в качестве нелегала. Если мужчина может применить в решающий момент физический прием, то от тебя ждут совсем другого приема. Да, то, что было вчера, – это грязно. И противно. Но если тебе нужно будет во имя дела лечь с кем-нибудь в постель, ты уже не будешь столь щепетильной. Через это нужно проходить, девочка. Иначе из тебя никогда не получится хорошего профессионала. У нас есть большое преимущество перед мужчинами – мы можем их соблазнять. Ты почитай нашу литературу – все известные разведчицы были либо проститутками, либо куртизанками. Только так по-настоящему можно развязать язык мужчинам. Понимаешь?

– Я представляла себе работу в разведке несколько по-другому.

– Вот переведут тебя в контрразведку, тогда ты запоешь, как «птичка», – снова сказала это слово Аркадия Самойловна, – и будешь иметь дело с нашим пьяным быдлом, с фарцовщиками, спекулянтами, жуликами всякими. А так, ты бога благодарить должна. Будешь ездить по миру и встречаться с интересными людьми.

Марина промолчала, не решаясь больше возражать.

– Вопросы есть? – спросила в заключение Аркадия Самойловна.

– Есть. Кто такой этот «Роберт»?

– Наш инструктор.

– Он знал, что я...

– Конечно, знал. Кроме него, там еще было двое наших сотрудников. Ты думаешь, мы просто так посылаем женщин в гостиницу? А если бы этот сутенер не отстал от тебя? Мы всегда подстраховываем наших людей. Это экзамен, Мариночка, и таких экзаменов у тебя будет еще очень много, прежде чем наконец решат, что ты полностью готова к своей деятельности за рубежом.

– Почему тогда он... – Она снова не договорила.

– Почему он с тобой спал? – цинично спросила Аркадия Самойловна. – Глупый вопрос, Марина. Спал, потому что хотелось. Он ведь мужчина, и еще достаточно молодой. А почему ему не воспользоваться таким моментом?

– И они все такие?

– Кто – все?

– Мои будущие коллеги?

– Господи, – всплеснула руками преподаватель, – столько я тебе слов наговорила, а ты опять за свое. Или притворяешься, или действительно не понимаешь? Да, он мужчина. Увидел красивую женщину, которая сдает свой экзамен. Почему он не должен воспользоваться? Конечно, он мог тебе сказать до того, как с тобой переспал. Но он этого не сделал. Ну и что? Тебе должно льстить, что понравилась ему. Он ведь работает часто за рубежом, а там всякого добра хватает. В том числе и женщин.

Она поднялась.

– Я все поняла. Разрешите идти?

– Иди. Давай следующую.

Марина вышла из комнаты. У дверей стояла Лена.

– Ругалась сильно? – спросила она.

– Не очень. У тебя где был «зачет»?

– В Финляндии, – успела шепнуть Лена, – сегодня утром прилетела.

– Где? – не поверила она услышанному, но подруга уже скрылась за дверью, откуда сразу донесся резкий сердитый голос Аркадии Самойловны.

Это был специальный курс для разведчиков-нелегалов, практикуемый на факультете. Набранные после окончания институтов молодые женщины готовились к трудной работе нелегалов за рубежом. Это был знаменитый курс «шестидесят восьмого», когда со всей страны отбирали самых толковых, красивых и сообразительных женщин, каких не должно было быть более двадцати пяти человек. Разбитые на пятерки, они не знали о других пятерках ничего и общались только между собой и только до четвертого курса, после которого предполагалось, что они выедут на необычную практику за рубеж.

Пришедший в Комитет государственной безопасности Юрий Владимирович Андропов, сменивший Владимира Семичастного на этом посту, уже в первый месяц работы обратил внимание руководителя разведки, мудрого и опытного Александра Михайловича Сахаровского, на крайне неэффективное использование женщин. После 1967 года, когда Андропов был утвержден на Политбюро председателем КГБ, он начал читать специальную литературу по разведке, из которой узнал о роли женщин в столь сложном и специфическом деле. В КГБ к женщинам традиционно относились с большим недоверием. Кроме обычных осведомительниц-проституток, работавших в качестве агентов как милиции, так и органов безопасности, в аппарате управления они занимались обычно техническими вопросами – подавали чай, убирали мусор, чистили и мыли окна. Лишь редкие единицы проходили суровый отбор для работы в разведке КГБ, и то лишь по чистой случайности. Андропов поставил задачу заняться этим целенаправленно, и с разрешения Сахаровского по всей стране были отобраны двадцать пять человек, которые и должны были совершенствовать свои знания и приобретать необходимый опыт для работы.

Одной из женщин этого курса и была молодая Марина Чернышева, закончившая с отличием Московский государственный институт международных отношений. В разведку она попала случайно, если можно вообще считать случайностью подобный поворот судьбы. Марина росла в семье дипломатов, отец долгие годы работал в США и Южной Америке. Девочка с детства привыкла к частым переездам, экзотическим местам, испанскому языку, столь красивому и пышному, к незнакомым людям, окружавшим их семью. Марина росла единственным ребенком в семье, после ее рождения мать тяжело заболела и по совету врачей навсегда отказалась от возможности иметь второго ребенка.

Детство Марины пришлось на первые послевоенные годы, когда отношения к Советскому Союзу было близким к восторженному. В советских людях видели не только представителей страны, разгромившей фашизм, но и носителей иной, более совершенной духовной культуры. Несмотря на «железный занавес», простые люди относились с большой симпатией ко всем советским людям, в том числе и к дипломатам, только разворачивающим свои представительства за рубежом. Когда отца перевели в Москву, для Марины не было сомнений, где продолжать учебу, – она выбрала МГИМО, куда и поступила с первого раза.

Это было еще в хрущевские времена, в шестидесят третьем, когда не требовалось доказывать свое рабоче-крестьянское происхождение и детей высокопоставленных дипломатов не отдавали на один год «в слесари и монтеры» для обретения стажа и получения необходимого разрешения на поступление в вуз. В институте все было, как у обычных молодых людей. Они узнавали о «Биттлз» гораздо раньше своих сверстников, получая некоторые зарубежные журналы и книги. Они первыми начали открывать для себя в подлиннике миры Хемингуэя и Фолкнера, Ремарка и Сартра. Шестидесятые годы, по существу, были лебединой песней советского этапа в развитии страны. Впервые за полвека исчез страх репрессий, начали оформляться нормальные человеческие отношения, были разрешены многие фильмы и книги. И на этом затяжном глотке возникло так называемое движение «шестидесятников», которые сыграли столь важную роль в развитии духовного потенциала своего отечества. К сожалению, многие из них,

приспособившись к брежневскому «болоту», так и не смогли отказаться от своего неоконформизма и в девяностые годы, когда время настойчиво требовало своих духовных лидеров. Многие из них примирились с властью, столь же лживой и отвратительной, как и предыдущие коммунистические режимы, многие просто постарели, многие не хотели более вступать в борьбу с «ветряными мельницами».

Марина Чернышева была из того поколения «шестидесятников». Она бодро ходила на первомайские митинги и до утра дискутировала со своими сокурсниками о природе экзистенциализма в произведениях Камю и Сартра. Как и большинство девушек, выросших за рубежом, она отличалась редким свободомыслием и независимостью суждений. Это накладывало отпечаток и на ее личную жизнь. Первый парень был у нее уже на втором курсе, тогда она впервые получила представление об интимной близости. К пятому курсу она успела еще дважды влюбиться и дважды расстаться со своими избранниками. Овен по гороскопу, она не любила рутины и мелочной повседневности. Ей хотелось чего-то необычного и героического. В ее комнате висел портрет Че Гевары, который был для нее символом мужества и идеалом для подражания.

На третьем курсе она потеряла отца. Он давно жаловался на почки и лег на операцию. Но из больницы больше не вышел. Марина любила отца, они были большими друзьями, и его смерть подействовала на нее угнетающе. Оставшись вдвоем с матерью, она стала настоящим лидером, взвалив на себя все семейные заботы, благо, пенсия отца была достаточно большой.

На пятом курсе Марина впервые подумала о своем распределении, она училась лучше всех. Как раз тогда на факультете появились незнакомцы в черных костюмах и модных в то время нейлоновых рубашках. Они и раздали всем анкеты, попросив ответить на вопросы. При этом незнакомцы вместе с деканом сидели прямо в аудитории, наблюдая за тем, как студенты заполняют анкеты. На это занятие ушло полдня, но ни одного человека из помещения не выпускали. Самое удивительное было в том, как собирались анкеты. Незнакомцы обходили всю группу с открытыми папками, и каждый должен был положить свой лист в эту папку самостоятельно.

Ребята потом долго спорили по поводу таинственных незнакомцев. Все сошлись на одном – их проверяли и отбирали для работы в дипломатических представительствах за рубежом. Некоторые уверяли, что просто проводили тестирование на будущих аспирантов. Марина честно ответила на все вопросы, среди которых попадались порой смешные, порой непонятные, которые можно было задавать либо в больнице, либо в сумасшедшем доме. Но тем не менее она ответила на все вопросы и, сдав анкеты, просто забыла про них.

Через две недели ее вызвали к ректору. Она никогда не была у ректора и поэтому не могла понять, чем был вызван столь непонятный интерес. Ректор был знаком с ее отцом, работавшим в МИДе, но и только. Они никогда не встречались и не разговаривали. В кабинет она шла, как и все студенты, заранее чувствуя себя виноватой. Тем более что срочный вызов передал ей не староста группы, а сам декан, спустившийся во время перемены на их этаж и лично нашедший Чернышеву.

Улыбающаяся секретарь ректора подмигнула ей, и она вошла в кабинет. Кроме ректора, там сидели двое незнакомых людей. Один, постарше, был лысый, с глубокими пронизательными глазами. Он сразу повернулся, когда она вошла, и посмотрел на нее долгим внимательным взглядом. Другой, помоложе, был седоватый подтянутый человек с резкими, жесткими чертами лица. Ректор сидел не как обычно, за своим столом, а напротив гостей за длинным гостевым столом.

– Вы меня вызывали? – спросила Марина.

– Да, – сказал ректор, – проходите, садитесь, Чернышева. Эти товарищи хотели с вами встретиться. Вы поговорите в моем кабинете. О вашей беседе никто не должен знать. Вы меня понимаете?

– Конечно. – Она не удивилась.

МГИМО был особым институтом, здесь готовили будущих дипломатов, и обстановка секретности соответствовала качеству получаемых знаний. Но тут произошло неожиданное. Ректор встал и, сделав ей жест рукой оставаться на месте, вышел из кабинета. Она осталась с двумя незнакомцами. Лысый по-прежнему внимательно смотрел на нее. Но разговор начал другой.

– Чернышева Марина Владимировна? – уточнил он.

– Да.

– Ваш отец работал дипломатом?

– Да.

– Чем занимается ваша мать?

– Она болеет. Сейчас дома. Раньше работала врачом в наших посольствах за границей.

– Вы единственный ребенок в семье?

– Да.

Пока они спрашивали только о вещах, ответы на которые можно было найти и в ее анкете, заполненной после поступления в институт. Но потом начались другие вопросы.

– Вы болели чем-нибудь в детстве? – спросил незнакомец.

– Гриппом, ангиной, – удивилась она.

– И все?

– Наверно, все, я точно не знаю.

– Вы болели в пять лет дифтерией. Помните?

– Да, – еще больше удивилась она, – действительно болела. Мы тогда жили в Южной Америке.

– У вас было осложнение?

– Мама говорила, что было, но я не помню.

– Вы никогда не жаловались на свой слух?

– Нет.

«Почему он спрашивает о таких ненужных вещах?» – подумала она, но незнакомец уже доставал из своей папки ее анкету, заполненную месяц назад.

– Эта ваша анкета?

– Моя, – чуть покраснела она.

Анкеты не подписывались, и поэтому они отвечали свободно и раскованно. Откуда эти типы могли вычислить именно ее анкету?

– Вы, наверно, волнуетесь, – сказал незнакомец.

Лысый по-прежнему молча смотрел на нее.

Ее начал нервировать этот пристальный взгляд.

– Но мы отобрали только вашу анкету и проверили по отпечаткам пальцев, кому именно она принадлежит. Не беспокойтесь, кроме нас, никто не знает ответы на наши вопросы. И никто никогда не узнает.

Она пожала плечами. Некоторые вопросы были весьма откровенными. Если бы она предполагала, что ее так просто вычислят, она бы никогда не отвечала на вопросы столь честно.

– Вы ничего не хотите поменять в своих ответах? – спросил незнакомец.

– Ничего, – ответила она, даже не подумав. Пусть будет все как будет. И тут началось.

– Вы написали, что любите активный образ жизни. Что, по-вашему, скрывается под этими словами?

– Там был вопрос «Какой тип жизни вы предпочитаете?». Я выбрала активный. Мне это больше подходит.

– Но работа дипломата – это спокойная тишина кабинетов.

– Не только, – возразила она. – Грибоедова убили не совсем в его кабинете.

– Да, если Грибоедова, то конечно. Но сейчас послов стали убивать гораздо реже. Хотя иногда случается, – улыбнулся впервые незнакомец. – Я представляюсь, – наконец сказал он, – меня зовут Олег Константинович.

Имени своего спутника он так и не назвал.

– Вам было предложено выбрать себе спутника жизни. Одного из четверых. Людовика Четырнадцатого, Бомарше, Мольера и кардинала Ришелье... Почему вы выбрали именно Бомарше?

– Я отбирала из-за личных симпатий. Людовик был королем, активный тип, не терпящий рядом с собой умных женщин. Может, поэтому следующий король так излишне доверял женщинам. Ришелье просто тиран, насколько я могу судить по его историческому образу, а Мольер прекрасный актер и драматург, но беспутный человек. Среди всех я выбрала Бомарше. Он был интеллектуалом и разведчиком. По-моему, это ближе всего к дипломату, – пояснила она.

– Вы интересно рассуждаете, – признался Олег Константинович. – У меня еще несколько вопросов. В своей анкете вы отметили, что предпочли бы поехать по распределению в Южную Америку. Это связано с выбором вашего отца?

– Да.

– Вы знали, чем на самом деле занимался ваш отец?

– Конечно, знала. Он был дипломатом, – удивилась она.

– Нет, – спокойно возразил Олег Константинович, – он был разведчиком. Ваш отец, Марина, всегда был разведчиком. Дипломатический паспорт был для него лишь прикрытием. Он был полковником КГБ.

Она ошеломленно молчала, не решаясь задавать вопросы. Такое открытие было для нее полной неожиданностью.

– Мы хотим предложить вам продолжить работу вашего отца, – очень просто сказал Олег Константинович. – Разумеется, мы еще не знаем, подойдете ли вы нам. Но среди всех учащихся вашего курса мы отобрали только вас, Марина Чернышева. Вы согласны?

Она удивленно смотрела на сидевших перед ней людей. Сказанное об отце потрясло ее настолько сильно, что выбило из привычной колеи, лишив возможности спокойно мыслить.

– Я не знаю, – честно выдавила она.

Лысый впервые чуть усмехнулся за все время беседы. И впервые заговорил:

– Это действительно честный ответ.

Она сразу узнала этот голос. Человек с таким голосом иногда звонил к ним домой. Она знала этот голос. И он, очевидно, знал ее отца.

– Я слышала ваш голос, – сказала она, – вы звонили к нам.

– Да, – лысый был удивлен, – а мы, наоборот, считали, что у вас, возможно, ослабление слуха. Какая блестящая слуховая память! Девочка, это просто здорово.

– Вы знали моего папу?

– Мы были с ним близкими друзьями. Просто я никогда не появлялся у вас дома. Это было не нужно.

Она кивнула, закусив губу. Сегодня она узнала много нового.

– Думаю, ты подойдешь, – ласково сказал лысый, – можешь идти. Только дома ничего не рассказывай. Подумай сама. Завтра я вам позвоню. Скажешь только одно слово – «да» или «нет». И сразу повесишь трубку.

Когда она вышла, Олег Константинович повернулся к своему старшему коллеге:

– Вы думаете, она согласится?

– Уверен. Наши специалисты проверяли несколько раз. Она самостоятельная женщина, и в ней есть хороший дух авантюризма. Такие как раз нам и нужны.

Всю ночь она не спала, и рано утром ей приснился отец, сидевший напротив нее в кресле. Он мягко улыбался и рассказывал что-то приятное. Когда вечером раздался звонок, она, уже не колеблясь, подняла трубку и сказала: «Да».

И этим определила свою судьбу.

Глава 3

– Вы должны понимать, что ничем не отличаетесь от мужчин, – зло говорил инструктор, стоя перед ними. Это был сорокапятилетний здоровяк с мощными бицепсами. Непонятно, почему он с первого дня невзлюбил группу прикомандированных к нему женщин. Может, потому, что как ветеран корейской и вьетнамской кампаний считал это ненужным экспериментом. Или ему не повезло с женой, и он вымещал всю свою злобу на доставшихся ему курсантках. Но он был беспощаден ко всем пятерым. Никакого снисхождения быть не должно. Между собой они давно называли его Душителем.

– Вы все офицеры, хотя младший лейтенант так же похож на офицера, как галоши на сапоги. А вы вообще лапти, – гремел его гневный голос, – ни одна не справилась с зачетным временем. Все пришли к назначенной точке с большим опозданием.

– Попробовал бы этот тип пробежать столько километров с таким снаряжением, – тяжело дыша, сказала Лена. – А мне сегодня вообще бегать нельзя, у меня такое кровоотечение открылось.

– Разговоры! – заорал Душитель.

– Разрешите обратиться, – выступила вперед Марина. Она была старшая в группе.

– Говорите, – прохрипел этот тип.

– Прошу освободить курсанта Иволгину от занятий.

– Что? – не поверил своим ушам инструктор. – Стать в строй! Здесь вам не детский сад.

– Прошу освободить ее, – настойчиво сказала Марина, – сегодня ей бегать нельзя. И таскать такие тяжести тоже нельзя.

– Никаких отговорок, – презрительно сказал Душитель, – даю десять минут, чтобы оправиться, и потом снова в путь. Никаких исключений не будет.

Она поняла, что спорить бесполезно, и вернулась в строй. Через десять минут они снова бежали за этим типом, нагруженные рациями и оружием.

И только вечером, когда они, уставшие, отдыхали в небольшой комнате, предназначенной для отдыха группы, пришла Аркадия Самойловна. Она села напротив молодых женщин.

– Что, девочки, устали? – ласковым тоном, не предвещавшим ничего хорошего, спросила она.

Марина поняла по ее голосу, что сейчас будут разборки. И не ошиблась.

– Марина, – так же ласково спросила Аркадия Самойловна, – почему ты сегодня хотела освободить Иволгину?

– Она не могла с нами бежать, – объяснила Марина.

– Почему?

– У нее начались месячные. Раньше времени.

– Ну и что?

– Она не могла бежать, – терпеливо пояснила Марина.

– Мариночка, – сказала Аркадия Самойловна, – ты, наверно, перепутала наши профили. Мы учим тебя не на адвоката, а на разведчика. Понимаешь? На разведчика! А ты выступаешь бесплатным адвокатом.

– Я хотела объяснить, – упрямо возразила Марина.

– Напрасно хотела. – Аркадия Самойловна наконец перестала притворяться. – Вас готовят как профессионалов. А вы ведете себя как бабы. Деревенские полоумные бабы, ничего не понимающие и не знающие. Какая может быть причина для остановки в пути? Только смерть агента. Если даже у нее начнутся роды, не имеет она права останавливаться. Пусть рождает в пути, в лесу, в овраге. Но не останавливаться. Я в партизанском отряде была в сорок втором. Думаешь, там кто-нибудь остановил бы отряд из-за моих женских глупостей? Меня бы просто

пристрелили, как суку, чтобы я не задерживала людей. По пятам за нами шли каратели из СС. Кто позволил бы останавливать отряд? Ты понимаешь, Мариночка? Твой поступок хуже, чем предательство. Если она останется и не пойдет с вами – значит, попадет в руки врага. А развязать язык такой изнеженной девочке они быстро смогут.

– Я не изнеженная, – чуть не плача возразила Иволгина.

– Тогда не нужно было вообще никому ничего говорить. Из меня иногда кровь хлестала. И ничего рядом не было. Просто портянку засовывала, надевала мужские брюки и шла в поход. Шла, как все. Если бы мои женские сложности могли им помешать, я бы удавилась. Понимаешь, Леночка, удавилась бы, чтобы не мешать заданию. Но ничего бы подругам не рассказала.

Женщины подавленно молчали. Они теперь несколько в ином свете видели все, происшедшее с ними. Марина отвернулась, отвечать было нечего. Этот монстр была права. Права по всем статьям.

– Вы женщины в постели, в казино, на пляже, – бушевала Аркадия Самойловна, – когда вы намалеваны и бедрами виляете. А в походе вы солдаты, мужики. И должны нести вместе со всеми оружие и снаряжение. Всем ясно?

– Всем.

– Завтра все повторите заново, – сказала на прощание Аркадия Самойловна, – весь маршрут. И ты, Лена, пойдешь со всеми. Тебе понятно?

– Понятно, Аркадия Самойловна, – покорно кивнула Лена.

– Вот и хорошо. – Нужно отдать ей должное, она интуитивно чувствовала, когда нужно ослабить напряжение. – А вообще-то прошли неплохо. Ведь ваш инструктор ориентируется всегда по мужским показателям. Как и положено по инструкции.

Когда она ушла, Лена вздохнула.

– Не могу больше, господи, просто не могу. Если бы я знала, что все будет так тяжело!

Марина показала на стену. Она знала, что все их слова постоянно прослушиваются. Начальство хотело отобрать действительно лучших. В ком нельзя было сомневаться.

– Ладно, девочки, – устало сказала Марина, – идемте спать.

Все пятеро пошли в свои комнаты. У каждой из них была своя небольшая «келья», в которой стояли узкая кровать и тумбочка с одеждой. Никаких личных вещей, считалось, что таким образом будущий разведчик учится обходиться самым необходимым, не обременяя свою жизнь ненужными мелкими сувенирами, которые в решающий момент могут выдать агента быстрее, чем все его связные, вместе взятые.

Марина вошла в свою «келью», опустилась на кровать. Завтра предстоял еще один трудный день. Сколько таких дней было за годы учебы! Попавшие сюда в основном после окончания высших учебных заведений молодые женщины проходили трехлетний специальный курс. О себе рассказывать не разрешалось, фамилии у всех были изменены. Так, Чернышева превратилась в Чернову, а Елена Волкова – в Елену Иволгину. Настоящих фамилий остальных женщин она не знала. Они с Леной были из столичных городов, Марина из Москвы, а Лена из Ленинграда. Может, поэтому Аркадия Самойловна с жестокостью дорвавшейся до столицы провинциалки, мыкавшейся всю жизнь по коммунальным квартирам, не любила более всего именно этих девочек.

Остальные были из других мест. Несмотря на строгие запреты, за два с лишним года, проведенные вместе, они успели познакомиться и узнать, что кореянка Мила с Дальнего Востока, Гюля из Узбекистана, а Таня из Прибалтики. И это было почти все, о чем они могли рассказать друг другу. Откровенность не поощрялась. Лишь с Леной Марина успела подружиться и была более близка, чем с остальными женщинами.

А ведь в шестьдесят восьмом все представлялось по-другому. Сначала Марина прошла несколько строгих отборочных комиссий. Проверяли здоровье, психологическую устойчивость, восприимчивость к разного рода заболеваниям, мнительность, наличие отклонений,

совместимость с другими людьми, коммуникабельность, умение ориентироваться в незнакомой обстановке, анализировать факты, общий багаж знаний, постановку иностранных языков, даже сценическое мастерство. Здесь проверяли очень тщательно и в случае малейшего сомнения отклоняли кандидатуру. Непонятно, каким чудом, но Марина прошла все тесты. Может, ей помогал старый знакомый ее отца, чья лысина и умные глазки иногда мелькали в коридорах во время сдачи тестов и медицинского освидетельствования.

Самому неприятному допросу ее подверг сексопатолог. Его интересовало буквально все. Первый мужчина. Общее количество мужчин. Удобные и любимые позы. Наличие ограничений и запретов во время интимных сцен. Пределы возможного. И тому подобное. Даже по вопросам она с удивлением обнаружила, что почти ничего не знала об интимных отношениях. Некоторые вопросы просто казались оскорбительными. Врач подробно расспрашивал о ее сексуальных пристрастиях, выяснял, нравились ли ей иногда женщины. В ответ на негодование Марины он как-то по-особенному усмехнулся, но ничего не сказал. Одно перечисление его вопросов могло оскорбить любую женщину, но она честно отвечала в течение двух часов.

И только спустя два месяца, когда наконец получила красный диплом об окончании МГИМО, ей официально объявили, что она будет зачислена в институт разведки, на специальные курсы. И только тогда она рассказала все матери. Мать проплакала всю ночь. Формально она была распределена в распоряжение МИДа. Фактически первого августа она уехала в один из небольших уральских городков, где были расположены их курсы. Мать так и не смогла отговорить ее от этого шага. Тогда все казалось романтическим и возвышенно-интересным.

Но всю романтику развеяла Аркадия Самойловна. Она сразу объяснила, что разведчик – это человек, готовый на все. И женщина-разведчик – это одновременно леди и проститутка, убийца и диверсант, наблюдатель и психолог, актриса и режиссер – словом, все ипостаси меняющихся масок в одном лице. С этого началось их обучение. Спустя две недели с курсов уже была отчислена молодая женщина, скрывшая, что у нее в родном городе остался маленький ребенок. Проверившая все факты комиссия без долгих разговоров просто отчислила женщину, и ее увезли из группы. Марина узнала об этом лишь благодаря случайности. Эта женщина была старшей в их группе. Она была красивой. Обладала особенной породистой статью, какие встречаются в редких комбинациях смешения разных наций. В ее длинных прямых ногах было что-то скандинавское, от викингов, скулы были азиатские, а зеленые глаза и русые волосы делали ее похожей на русских красавиц из старых сказок. Она и была потомком всех трех наций. Имела отца литовца и мать полурусскую-полутатарку. Может, поэтому ее и отобрала комиссия. Но скрытый ребенок перевесил все. Больше они никогда о ней ничего не слышали. А старшей группы вместо выбывшей красавицы-принцессы назначили Марину.

Несколько раз во время учебы ей хотелось все бросить и вернуться домой. И тогда, когда ее послали изображать проститутку у гостиницы «Интурист» в Москве, чтобы соблазнить приехавшего иностранца, оказавшегося нашим разведчиком. И тогда, когда ей пришлось раздеваться перед несколькими врачами-мужчинами, демонстрируя свое тело. И, наконец, тогда, когда Аркадия Самойловна рассказала ей впервые о «птичках».

После происшествия в гостинице «Интурист» она долго приходила в себя. Поступок «Роберта», воспользовавшегося ее неопытностью, растерянным состоянием и просто выпитым шампанским, больно отозвался в ее душе. Словно кто-то грязный и мерзкий исподтишка подло плюнул ей в лицо. Она принимала душ каждое утро, мылась с каким-то остервенением, пока наконец опытная Аркадия Самойловна, очевидно, понявшая ее состояние, сама не пришла к ней на помощь.

Однажды вечером она вошла в «келью» Марины.

– Как дела, Чернова? – спросило это чудовище в юбке.

– Все в порядке, – привычно быстро отрапортовала женщина, вскакивая с постели.

– Сиди, сиди. Я тут рядышком посижу. Что ты читаешь?

У них была неплохая библиотека, и им разрешали брать любые книги, в том числе и на иностранных языках.

– Это Патрик Уайт, австралийский писатель, – показала она книгу.

– Ну и вкусы у тебя, Чернова, – покачала головой Аркадия Самойловна, – не зря наш генерал говорит, что из тебя получится нечто феноменальное. Этот Уайт про кенгуру пишет, что ли?

– Нет, – улыбнулась она. Дремучий уровень невежества Аркадии Самойловны вполне соответствовал ее жизненному опыту и ее судьбе.

– Разведчица, конечно, должна быть интеллектуалкой, – задумчиво произнесла Аркадия Самойловна, – но очень перегибать палку не стоит. Иначе мы получим не разведчика, а ученого-профессора. А это нам ни к чему. И потом, бабы, знающие слишком много, всегда очень раздражают мужчин. Ты это учти.

Марина промолчала. В таких случаях спорить с наставницей не хотелось.

– Все переживаешь? – вдруг спросила Аркадия Самойловна, словно ей нравилось беречь еще не затянувшуюся рану.

– Да, – честно и прямо ответила Марина, убирая книгу, – очень переживаю. Впечатление грязное и отвратительное. И подлое. Он поступил как самый настоящий подлец. Воспользовался моим беспомощным состоянием и моим заданием.

– Он мужчина, – подняла свой мясистый палец Аркадия Самойловна, – они все такие.

– Не все, – упрямо возразила Марина, – не все такие скоты.

Она подумала о своем отце. Он бы никогда не воспользовался неопытностью молодой женщины.

– Глупости, – тяжело поднялась с постели Аркадия Самойловна, – все это твои грезы. Завтра полетишь со мной опять в Москву.

– Зачем? – испуганно спросила она. – Опять в гостиницу?

– Да нет, – поморщилась Аркадия Самойловна. – Наш психолог советовал познакомиться тебя с работой «птичек». Чтобы твои романтические бредни развеять.

Она не стала говорить, что у нее был конкретный приказ генерала выполнять все указания психологов в отношении Марины Черновой. И почему они все время возятся с этой гордычкой, неприязненно думала Аркадия Самойловна, но приказы исправно выполняла.

На следующее утро они снова вылетели в Москву. И тогда Марину впервые привезли в Ясенево, где находился Центральный аппарат Первого главного управления КГБ СССР. Или, проще говоря, Центральный аппарат советской разведки. Марина получила особый пропуск на проход внутрь. Обычно курсантам его не давали, и понадобилось личное разрешение заместителя начальника ПГУ, чтобы ее пропустили. На пластиковом пропуске были выбиты специальные номера. У Аркадии Самойловны, оказавшейся подполковником ПГУ, был именной пропуск.

Они долго ходили по разным коридорам, пока наконец Аркадия Самойловна не оставила Марину в какой-то просторной комнате с аппаратурой и киноустановками. Пройдя в соседний кабинет, Аркадия Самойловна привычно подобоострастно улыбнулась. Из этого кабинета было видно все, что делается в соседней комнате. За столом сидел лысый пожилой человек с глубоко запавшими глазами.

– Как у вас дела, Аркадия Самойловна? – спросил он своим тихим голосом.

– Все в порядке. Я ее привезла, – коротко, почти по-военному доложила женщина.

– Хорошо, – сказал генерал, – познакомьте ее теперь с деятельностью некоторых «птичек». Но не особенно увлекайтесь. Она натура впечатлительная, может сломаться. Пусть только узнает правду, и все. Вся грязь рассказывать необязательно. Ей и без того покажут слишком много всякой гадости.

– Понимаю.

– Понимаете, Аркадия Самойловна, у нее ведь редкий коэффициент интеллекта. Выше, чем у вас и у меня. Намного выше. Таких специалистов у нас давно не было. Если мы ее правильно подготовим, она превратится в очень перспективного сотрудника. Может, станет нашей гордостью. Главное, чтобы мы ее не сломали. Меня не было, когда вы продумывали этот грязный и глупый трюк с проверкой в гостинице. Ну разве можно так грубо? Она ведь московская девочка, интеллектуалка. Фолкнера читает в подлиннике. А вы ее отправляете на панель изображать проститутку. Девочка могла сломаться.

– Это были рекомендации психологов, – недоуменно сказала Аркадия Самойловна, – они считали, что такой шок поможет ей преодолеть некоторые комплексы. Вы ведь сами приказывали согласовывать все действия с психологами.

– Может быть, – недовольно произнес генерал, – может быть, они и правы. Но все равно нужно быть более осторожными, более внимательными. Поймите, Аркадия Самойловна, что вы имеете у себя на воспитании еще не ограненный бриллиант и его нужно очень тщательно доводить до кондиции.

«Возится он с этой столичной штучкой. Нравится она ему, что ли?» – подумала женщина, но ничем не выдала своего отношения к сказанному. Только спросила:

– Разрешите начинать?

– Да. Пусть беседу с ней проведет Лев Григорьевич. Он лучше нас с вами знает женскую психологию.

– Хорошо, – недовольным голосом прокаркала Аркадия Самойловна, – мне можно присутствовать?

– Можно. – Генерал посмотрел ей в глаза. – Вы что-то имеете против, подполковник?

– Как всегда, ничего. – Она повернулась и пошла к выходу.

Постарела, подумал впервые генерал. Пора ей на отдых. А какая была женщина в свое время! С ее помощью в Литве взяли две банды «лесных братьев». Она стала любовницей одного из руководителей подполья и сама потом его застрелила.

В соседнюю комнату вошел пожилой человек в белом халате, следом Аркадия Самойловна. Увидев их, Марина вскочила со стула.

– Сидите. Мы, кажется, знакомы, – приятно улыбнулся врач, – я Лев Григорьевич, ваш психолог.

– Да, я вас помню, – неуверенно ответила Марина.

– Сядьте спокойно, Марина. О том, что вы сейчас увидите и услышите, рассказывать когда-либо и где-либо категорически запрещено. Но это все правда. Только правда. Вы будущий разведчик, офицер. И вы должны знать и оборотную сторону правды. Иначе правда будет неполной и может сказаться на вашей дальнейшей деятельности. Вы готовы?

– Да, – смело произнесла она, словно перед броском в воду.

– Тогда смотрите этот фильм. – Врач выключил свет и включил киноаппарат. На экране появились молодые женщины. Очень красивые женщины. Они сидели втроем и о чем-то весело разговаривали.

– Это так называемые «птички», – спокойно сказал Лев Григорьевич, – «ласточки» КГБ. Одну из женщин, высокую, красивую блондинку, куда-то позвали.

Она смеясь вышла из комнаты.

– Это наш офицер контрразведки, – пояснил Лев Григорьевич.

Камера показывала ресторан и сидевших за столом уже знакомую женщину и какого-то подвыпившего иностранца.

– Это консул одной из скандинавских стран, – сказал Лев Григорьевич. Консул все время норовил поцеловать женщину, и она, смеясь, отмахивалась. Камера беспристрастно фиксировала все жесты дипломата.

Из другого кабинета за ними следил генерал.

Затем камера начала показывать номер в гостинице. Женщина раздевалась. Дипломат все время пытался помочь ей.

– Она знает, что идет съемка? – почему-то шепотом спросила Марина.

– Конечно, знает, – ответил врач.

Дипломат начал раздеваться, поминутно падая на пол. Он был сильно пьян. Женщина, почти раздевшись, прикрылась одеялом и терпеливо ждала. Мужчина стащил брюки и, запутавшись в рубашке, снова упал. Наконец, избавившись от всего, он полез в постель. Но не под одеяло, а сядясь верхом на женщину и двигаясь к ней какими-то скачками. Поняв, что сейчас произойдет, Марина закрыла глаза.

– Выключите, – простонала она.

Врач включил свет. Он не мог не заметить довольного лица Аркадии Самойловны.

– А теперь разрешите вас познакомить. Капитан Бробина.

В комнату вошла женщина, только что показанная на экране. Она по-прежнему была красивой и элегантной. Женщина села напротив Чернышевой.

– Она из контрразведки. Из отдела специальных операций, – пояснил Лев Григорьевич. – Благодаря ее связи с этим дипломатом мы получили очень важные сведения по Скандинавии.

Капитан молча смотрела на Марину. Та, выдержав этот взгляд, не отвела глаз.

– У вас будут какие-нибудь вопросы к капитану? Не бойтесь. И не стесняйтесь. Можете задавать любой вопрос, – сказал Лев Григорьевич, – а мы пока покурим с Аркадией Самойловной в коридоре. Когда закончите разговор, позовите нас.

Они вышли в коридор и, пройдя несколько шагов, вошли в соседний кабинет. Там уже сидел озабоченный генерал.

– Вы уверены, что поступаете правильно? – спросил генерал. – Она ведь натура впечатлительная.

– Не волнуйтесь. У нее отличный индекс приспособляемости, – успокоил его врач, – в будущем она могла бы даже работать вместо Бробинной. Просто коэффициент интеллекта не позволяет держать ее на работе, где нужно действовать только тазом. Ее голова стоит гораздо дороже.

– Я тоже так думаю, – согласился генерал, – пусть они поговорят. Лишь бы не было вреда.

– Не будет, – успокоил его Лев Григорьевич.

В соседнем кабинете стояло долгое молчание. Наконец капитан первая сказала:

– Вы не хотите ни о чем спросить?

Марина смешалась. Она и хотела, и стеснялась подобного духовного стриптиза, чем-то похожего на только что увиденный фильм. Но все-таки решилась.

– Скажите... – Она чуть не поперхнулась. Картинка, показанная ей, все еще стояла перед глазами. – Простите меня, но вам не было с ним... в общем, вам... не противно?

– Сколько вам лет? – вдруг спросила Бробина.

– Двадцать пять, – ответила Марина.

– Вы такая молодая, – улыбнулась капитан, – мне тридцать два. Нельзя жить постоянно в мире грез. Наша внешность – это наживка, на которую попадают мужчины. И мы должны уметь пользоваться этой наживкой.

– Всегда? – мрачно спросила Марина.

– Во всяком случае, у нас – всегда, – твердо ответила Бробина, – иначе мы ничего не добьемся. Как еще можно выйти на западных дипломатов? Только через женщин. А использовать обычных проституток нельзя. Они глупые и истеричные женщины, которые часто просто срывают всю операцию. Поэтому используют нас – «ласточек» КГБ. Некоторые называют нас «птичками».¹

---

¹ В данном случае рассказанный эпизод – не плод фантазии автора. Последние случаи известны достаточно хорошо. В

– И так всегда?

– У нас – почти всегда, – невозмутимо ответила Бробина. – Не нужно думать, что мы все извращенные гадины. Просто это наша работа. Я, кстати, замужем, и у меня растет дочь. Ей уже пять лет.

– Замужем? – Потрясению Марины не было предела.

– Да. Муж знает, что я работаю в КГБ. И понимает, что я здесь не в театре оперетты, а на службе. Это наша работа, – повторила она.

– Понимаю, – тихо произнесла Марина и непонятно почему добавила: – Тяжелая у вас работа, капитан.

– Нет, – не согласилась Бробина, – у нас не тяжелая. Здесь все ясно. Он никуда не денется. Рядом всегда свои, помогут в случае необходимости, выручат. Конечно, в нашем деле всякое бывает, но риска мало. Здесь важен расчет. А вот в вашей работе... Ты ведь из разведки, мне так сказали? Ты всегда будешь одна, девочка. Думаешь, это так плохо, что тебя снимает камера? Да ты спокойно лежишь в постели, зная, что ничего плохого не может случиться, просто не допустят. А вот у тебя такого запаса не будет. Ты будешь всегда одна, в окружении чужих, когда даже после постели нельзя расслабиться ни на одну минуту, нельзя никому доверять, нельзя никому ничего рассказывать. Тебе тяжелее в тысячу раз. Ты меня понимаешь?

– Кто дал ей этот театральный текст? – спросил нахмурившийся генерал.

– Мы, – довольным голосом сообщил Лев Григорьевич, – а разве плохой?

– Излишне патетический. Ну, в общем, такой, несколько напыщенный.

– Вы учтите обстановку, – обиделся Лев Григорьевич, – после такого потрясения она воочию видит эту женщину, подвергшуюся насилию, и та произносит такую речь. Она обязательно должна поверить. Это последствия эмоционального шока.

Генерал не стал больше ничего возражать. Он просто смотрел на двух молодых женщин, сидевших друг против друга, таких разных и чем-то неуловимо похожих.

Обратно Марина летела с Аркадией Самойловной. Она молчала всю дорогу, обдумывая увиденное. И лишь когда они снова приехали в Учебный центр, Аркадия Самойловна осторожно спросила:

– Ну, и что ты надумала? Остаешься у нас?

– Обязательно, – вдруг услышала она удививший даже ее ответ, – только «ласточки» из меня никогда не получится. Даже не пытайтесь.

Повернувшись, Марина ушла в свою «келью».

Глава 4

За окнами тишина. Они слушали стоявшего перед ними человека, пытаясь понять, как именно им лучше ориентироваться в этом непонятном «городе». Все было давно сказано и прочитано. Но реальное передвижение по этому полигону было для них достаточно сложным. Пугали даже не трудности, при прохождении которых у них могло быть достаточно много неприятностей. После полигонов Душителя они были достаточно подготовлены физически для прохождения любых, самых сложных участков. Но в этот раз ничего не придется нести, и вообще особых физических трудностей не предвиделось. Полигон был психологическим, и каждый должен был проявить себя с лучшей стороны, ибо в конечном итоге от этого зависело и дальнейшее направление на работу.

Вообще занятия по психологии были главными дисциплинами в их учебе. Кроме обучения всяким премудростям технических новинок, кроме разработки ведения наружного наблюдения и умения уходить от подобного наблюдения, кроме знания общей теории изучения опыта практических действий бывалых профессионалов, они проходили специальные курсы психологии. Психологическая устойчивость и коммуникабельность, умение ориентироваться среди незнакомых людей и безошибочно определять тип незнакомца, с которым впервые знакомишься, знание психологии той страны, в которую ты направляешься, и умение применять эти знания на практике, наконец, самый главный компонент – умение вести беседу, обращая внимание на малейшие нюансы в поведении человека, и умение слушать, изучая собеседника во время разговора, его манеру речи, его характерные черты, его умение сосредоточиться на главном и выражать свои мысли.

И теперь необходимо было применять знания на практике. Все пятеро женщин знали, что за пределами комнаты находится обычный город со своими проблемами и заботами. Не было никакого полигона, не было никаких скрытых ловушек, как во время тренировочных пробежек с Душителем. Но именно этот «город» и должен был стать для них основным испытанием.

Задача прохождения подобного полигона имела чисто психологическое свойство. Никто не знал конкретно, что именно может ждать их в городе. Все пятеро выходили в город как обычные туристы. Задача была предельно ясна – в течение суток найти местного резидента разведки и передать ему сообщение. Кроме пароля, они знали кличку резидента – Учитель, имели описание его внешности и получили короткое сообщение, которое должны были ему передать. И более ничего.

В течение суток пять молодых женщин в абсолютно незнакомом городе должны были найти резидента. Задача была предельно ясна. Но никто не представлял, как искать резидента. Стоявший перед ними человек закончил краткую инструкцию следующими словами:

– У вас с собой будут рации. Как только вы поймете, что задача для вас достаточно сложна, можете вызвать нас по рации. Старайтесь быть аккуратными, не обращайтесь на себя внимания жителей города. Малейший прокол или ошибка – и вы выбываете из розыска. Ошибкой будет считаться ваша явная невнимательность или вызванные вашими неосторожными вопросами подозрения у ваших собеседников. И без того все знают, что вы – туристическая группа из Волгограда, прибывшая сюда для сбора материалов по этнографии края. Сейчас десять часов утра. Завтра в это время мы встретимся в местной гостинице, где уже сложены ваши вещи. Вопросы есть?

Все молчали.

– У меня есть, – неожиданно сказала Мила. – А раньше такие «эксперименты» у вас были?

– Были, – терпеливо ответил инструктор, – достаточно часто.

– И удавалось найти резидента? – спросила Мила.

– До свидания, – сухо сказал инструктор. – Когда вернетесь завтра утром, мы поговорим на эту тему. Отсчет времени начался с этой минуты.

Повернувшись, он вышел из комнаты. Оставшиеся женщины переглянулись.

– Что будем делать? – спросила Лена. – Пойдем в город искать резидента. Будем обходить все дома.

– Он оставил план города, – показала Гюля, – хочет, чтобы мы ориентировались.

– Кто-нибудь раньше здесь бывал? – спросила Таня. Она была блондинкой из Латвии и говорила с характерным прибалтийским акцентом.

– Ненужный вопрос, – поморщилась Марина, – они все наверняка проверили. Если бы кто-нибудь из нас бывал бы здесь даже проездом, нас никогда бы не привезли в этот городок.

– Как будем искать? – спросила Гюля. Она была метиской: мать русская, а отец узбек. Стройная, подвижная, она всегда была выносливее других, чем вызывала восхищение своих подруг. Может, в ней сказывались гены тысяч восточных женщин, ее предков, покорных и выносливых, молчаливых и стойких женщин степей, всегда прокладывавших тропу вслед за мужем. Или в ней говорила кровь тысяч мусульманских женщин, хозяйек дома и хранительниц семейного очага, на плечи которых падала вся нагрузка по ведению домашнего хозяйства.

– Нужно придумать какой-нибудь способ, – предложила Лена, – нельзя же бегать по улицам города с криками: «Мы ищем резидента! Где резидент?»

Все рассмеялись.

– Прошло уже пять минут, – напомнила Таня, – может, мы пойдем искать?

– Как искать? – спросила Лена. – Если ты знаешь, расскажи и нам.

– Нужно было спросить его, как нам искать – вместе или по одной, – пожалела об ушедшем инструкторе Мила.

– На наше усмотрение, – поняла Лена. – А ты почему молчишь? – спросила она у Марины.

Та действительно молчала, напряженно размышляя. Она понимала, что задача чисто психологическая, и мучительно пыталась разрешить стоявшую перед ними загадку.

– Давайте, девочки, сядем и все продумаем внимательно, – предложила она.

– Время идет, – напомнила Мила.

– Ничего, у нас еще в запасе двадцать четыре часа, – отмахнулась Марина. – Прежде чем выходить на улицу, нужно все продумать самим.

– Пока ты будешь думать, наступит завтра, – недовольно сказала Мила, – нужно искать, а не сидеть в комнате. Они наверняка придумали для нас какой-нибудь розыгрыш. А если будем сидеть, то ничего никогда не узнаем.

– Марина права, – вмешалась Лена, – нужно продумать план.

– Какой план? – не поняла Гюля. – Мы действительно теряем время. Нужно уже идти. Решим все на улице. Здесь мы все равно ничего не придумаем.

– Верно, – поддержала ее Мила, – пойдем искать вместе. – Она поднялась первой.

– Может, это и есть их психологический трюк, – предположила она. – Сидят и секут, сколько времени мы здесь потеряем на ненужные разговоры. А потом психологи скажут, что мы не сразу стали действовать, страдаем отсутствием воли, нет быстрой реакции, адекватной обстоятельствам. И еще всякую муру. Им только попадись на удочку.

– Нужно подумать, – упрямо твердила Марина.

– Думай сама, – разозлилась Мила. – Мы обязаны действовать достаточно быстро.

– Делай как хочешь, – тихо разрешила Марина.

– Она права, – поддержала Милу Гюля.

– Вечно у тебя, Марина, какие-то закидоны, – недовольно заметила Мила.

Она была с Дальнего Востока, из небольшого рыбацкого поселка, и первые два года в столице работала на фабрике, чтобы попасть в институт. И наконец попала в Университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Впрочем, когда она поступала, он еще не был назван име-

нем этого африканского героя. Но уже тогда это учебное заведение курировала специфическая организация, называемая КГБ. Мила не рассказывала никому, но еще до поступления в вуз она была завербована КГБ и работала негласным осведомителем. Именно поэтому она затем поступила в это престижное заведение и через пять лет была отобрана на специальные курсы. Мила была старше всех по возрасту и справедливо считала, что должна быть старшей в группе. Даже по стажу своей работы на КГБ. Но по каким-то неведомым ей мотивам старшей была назначена Марина.

– Ты хочешь уходить? – спросила Марина.

– Конечно. Сидеть здесь – самое последнее дело. Гюля, ты идешь со мной?

– Да, – поднялась вслед за ней Гюля.

– А ты? – спросила Мила у Тани.

Та пожала плечами, но ничего не сказала. У Лены Мила не стала спрашивать. Она вообще не любила этих «столичных штучек». И вышла.

Таня посидела недолго, полминуты, потом неуверенно сказала:

– Может, они действительно следят, когда мы выйдем, я лучше пойду с ними, – и выбежала из комнаты.

Наступило молчание. Лена смотрела на Марину.

– Что будем делать? – спросила она.

– Думать, – громко сказала Марина. – Напрасно они так спешат.

Она сложила кулаки под подбородок, как любил делать отец.

– Давай посмотрим, что мы имеем. Пароль. Мы должны сказать: «Я привез привет от вашего дяди», – а он должен ответить: «Спасибо, я давно жду от него вестей, беспокоился о здоровье племянника». Так. Теперь кличка резидента – Учитель. И наконец, сообщение, которое мы должны ему передать: «Пятнадцатого будут ждать у моста. Просили передать привет вашим людям». И все. Разгадка должна быть в этих сообщениях. Нужно не бегать по улицам, а вычислить резидента.

– Не зная никого в городе? – изумилась Лена. – Ты сама веришь в то, что говоришь?

– Давай карту, – решительно сказала Марина. – Посмотрим, где здесь находится мост. Рядом с каким зданием.

Они разложили подробную карту города.

– Вот здесь есть мост. И здесь. И здесь. Всего три моста. Что там рядом с первым?

– Районная библиотека. Здание исполкома.

– Второй?

– Ничего особенного. Просто жилые здания.

– Третий?

– Школа. – Лена подняла голову. – Ты гений, Мариночка! Конечно, школа. Учитель работает в школе.

– Нет, – решительно отрезала Марина, – они бы не пустили его в школу с такой кличкой. Вспомни, что нам рассказывали. Кличку дают по особенностям человека, по некоторым деталям его характера, по его любимым предметам или по какой-то внутренней интуиции ведущего агента сотрудника. Где здесь внутренняя интуиция? Учитель не может находиться в школе, это точно. И мост – просто подставка, чтобы мы так и подумали.

– Тогда не знаю, – растерянно сказала Лена, – вечно ты придумываешь какие-то невероятные вещи.

– Меня удивляет другое, – задумчиво произнесла Марина. – Почему психологические тесты мы всегда проходили в одиночку, а теперь нам поставили задачу всем пятерым? Всем вместе – одну и ту же задачу. Понимаешь?

– Конечно, понимаю. Ну и что?

– Обычно психологические задачи мы решали каждая самостоятельно. А здесь собрали всех вместе. Значит, решили проверить, как мы действуем в коллективе. Ах, наши девочки! Это Мила вечно всех сбивает с толку.

– При чем тут Мила?

– Это задание на коллективные действия, понимаешь? Им было важно узнать, как мы будем действовать сообща. А мы сразу поругались. Ах, как глупо!

– Может, мы их вернем?

– Пока не нужно. Давай сначала найдем решение задачи. Учитель. Кого обычно называют учителем, кроме обычных педагогов?

– Наставников, мастеров, опытных людей, – перечисляла Лена.

– Еще?

– Воров в законе, может быть.

– Еще?

– Каких-нибудь работников училищ или техникумов.

– Это одно и то же. Еще?

– Не знаю, – призналась Лена, – больше никого не знаю.

– Вот и я не знаю, – сказала Марина, – но нужно будет искать не учителя в школе. В этом я уверена.

– Ничего не понимаю, – вздохнула Лена, – давай снова.

Ушедшие женщины по карте искали школу. Мила предложила проверить школу и библиотеку. Все трое направились к мосту, стоявшему рядом со школой.

– Нужно проверить всех преподавателей, – предложила Мила, – и не только их, – сказывались годы учебы, – может, под этим именем известен кто-то другой в школе. Кто пойдет?

– Я, – вызвалась Таня.

– Мы ждем тебя здесь, – кивнула Мила, – только быстрее, мы пока опросим людей. Может, кто-нибудь знает такого человека. Не забыла – с небольшой бородкой, усами?

– Не забыла. – Татьяна двинулась к школе, вошла внутрь.

– А вдруг мы все-таки ошибаемся? – задумчиво сказала Мила.

Вошедшая в школу Таня начала разговор с вахтершей, сидевшей у двери.

– Много учителей в вашей школе?

– Много, милая, много. Человек пятьдесят будет. А тебе кто нужен? Я здесь всех знаю.

– Да не помню я его имени, – решила сыграть Татьяна, – он такой высокий, худой, с бородкой. У сына моего преподает.

– Может, Петр Самсонович, – предположила вахтерша, – да у него не бородка, а только усы.

– Нет, – с сожалением сказала Татьяна, – мой должен быть с бородкой.

И в этот момент услышала за спиной:

– Вы выбыли из игры. Это было так просто. Прийти в школу и искать преподавателя. И школа у моста. Неужели вы могли подумать, что мы дадим вам такую простую задачу? Вы явно недооценили наши возможности. Сообщите своим подругам, что вы прекращаете поиск.

Таня обернулась и узнала своего инструктора. Потом подняла рацию и печально произнесла:

– Все, девочки. Я из школы говорю. Мой розыск кончился.

Ее слышали и Мила с Гюлей, и Марина с Леной. Первые переглянулись и быстро пошли от школы, спеша удалиться подальше, вторые заспорили еще громче.

– Я тебе говорила, – горячилась Лена, – смысл задачи состоит в комплексном решении. Нужно использовать возможности всей группы. Только так.

– Нет, – упрямо ответила Марина, – сначала нужно найти решение.

– Тогда верни их, – предложила Лена.

Их разговор был слышен в доме, стоявшем в ста метрах от них, где сидели генерал и Аркадия Самойловна.

– Видите, – заметил генерал, – Марина лучше чувствует обстановку, правильно мыслит. Она не побежала сломя голову искать Учителя. Именно такие кадры нам нужны.

Аркадия Самойловна, благоволившая к Миле, только презрительно морщила лицо, не решаясь спорить с генералом.

Мила и Гюля шли к другому мосту, переговариваясь на ходу. Обе уже четко сознавали, что сделали ошибку, выйдя так быстро на поиски резидента. Но обе не хотели признавать своей ошибки.

– Нужно проверить все три моста, – предложила Мила, – все дома вокруг этих мостов. Что-то в них есть, если нам дали такой странный пароль.

– Мы их однажды проверили, – мрачно огрызнулась ее напарница, начинавшая понимать, что бесплодные поиски по улицам города ни к чему хорошему не приведут.

Марина в это время по-прежнему сидела за столом.

– Учитель, – бормотала она, – Учитель, пятнадцатого на мосту.

Лена по-прежнему изучала карту.

Мила и ее напарница начали обходить дома, осторожно расспрашивая о резиденте. В условия игры входило и то обстоятельство, что это будет реальный человек, которого могут знать некоторые люди. Но им не везло. Когда шел уже четвертый час, уставшие женщины сели на небольшую скамью.

– Сколько в этом городе людей? – спросила Гюля.

– Более пятидесяти тысяч, – мрачно ответила Мила. – Думаешь, не найдем?

– Идем дальше.

Они продолжали свои поиски. Вдруг в подъезде одного из домов шедшая впереди Гюля испуганно вскрикнула. На лестничной клетке стоял инструктор. Мила, еще не отдавая себе отчета в своих действиях, захлопнула перед собой дверь и побежала в другую сторону.

– Вы привлекли к себе слишком большое внимание, – сказал инструктор, – это было не очень профессионально – ходить и опрашивать всех подряд. Даже так осторожно, как вы. Вы выбываете из розыска. Передайте вашим подругам.

Лена уже нетерпеливо поглядывала на часы. Они потратили шесть часов на подробное изучение карты города, его улиц, прилегающих к мостам кварталов, трех школ, техникума и библиотеки. Но ничего конкретного нащупать пока не удавалось. Внезапно дверь открылась. На пороге стояла запыхавшаяся Мила.

– Явилась? – мрачно спросила Лена. – Потеряла подруг и явилась?

– Мы ничего не нашли, – устало ответила Мила. – По-моему, нам просто дали неразрешимую задачу, чтобы посмотреть, как мы ее будем решать. Нужно передать по рации, что мы все поняли. Решения никакого быть не может.

– Нет, – решительно ответила Марина, – у нас еще много времени. Будем думать и искать. Значит, у мостов ничего нет. Вы проверили все дома и школу. Я так и думала. Мост. Пятнадцатого на мосту. Что можно назвать мостом?

– Перекрытие между берегами, – ответила Лена.

– Правильно. Что еще?

– Есть «Мост-банк». Может, в городе действует их филиал, – предположила Лена.

– Никакой связи. И потом, я не думаю, что в этом маленьком городке есть филиал такого известного банка. Нам нужно выйти. Выйти и поговорить с людьми. Но искать не Учителя, иначе мы сразу провалим всю игру. Нам скажут, что мы обратили на себя внимание своими расспросами. Значит, ищем только мост. Вы меня поняли? Только мост. Или место, которое в городе называется мостом. И что там может произойти именно пятнадцатого. Нужно сменить вектор поисков. И тогда инструктор не будет нам мешать.

Генерал в соседнем доме, слышавший ее слова, что-то отметил в своем блокноте.

Они втроем вышли в город и, по договоренности рассыпавшись, начали расспрашивать людей о мостах. Было уже темно, встречались лишь редкие прохожие, но симпатичным, милым женщинам любезно отвечали. Изредка они переговаривались по рации. Наконец в одиннадцатом часу раздался довольно спокойный голос Милы:

– Есть. Через десять минут выйду к зданию больницы. Идите туда.

Через десять минут они встретились.

– Мостом в городе называют переход между зданием городского рынка и вокзалом, – сообщила Мила, – там, в переходе, идет ремонт, и пятнадцатого обещали его открыть. Ты была права, – выдавила она из себя, обращаясь к Марине. – Его люди будут там пятнадцатого.

– Он должен передать привет своим людям, – вспомнила Марина, – быстро туда.

– Зачем? – не поняла Мила. – Что это нам дает?

– Там должно висеть извещение, кто именно ведет ремонтно-строительные работы, – сказала Марина.

– А если его нет? – спросила Лена.

– Должно быть, идемте быстрее.

– Везде такая темень, – показала вокруг Лена. – У тебя хоть есть спички? Мы ничего так не увидим.

– У меня есть, – отозвалась курящая Мила, – у меня всегда спички с собой.

Они поспешили к рынку. Было достаточно темно. Внезапно по рации раздался голос инструктора.

– Где вы находитесь? Вам нужна какая-нибудь помощь? Подтвердите, что меня слышите. Каждая в отдельности.

– Все в порядке, – крикнула, задыхаясь, Марина.

– Порядок, – подтвердила Лена.

– Нормально, – сказала Мила.

Инструктор, уточнив направление, обернулся к генералу. Они ехали в машине, переоборудованной под специальную лабораторию.

– Они движутся в направлении рынка, – сказал он.

Молодые женщины наконец добежали до рынка.

– Где здесь переход? – спросила Марина.

– Я была в другой стороне, – показала Мила.

– Там! – закричала Лена. – Видите забор?

Они побежали в сторону забора. Рядом никого не было. Стояли заброшенные машины. Было довольно прохладно. Поднялся сильный ветер.

– Идем с другой стороны, – решила Марина, – здесь не пролезем.

– Сейчас пройдем. – Мила резким ударом выбила несколько досок. – Я так в детстве лазила, – добавила она, и женщины полезли по очереди в образовавшееся отверстие.

– Там есть какая-то табличка, – показала Лена на стену стоявшего рядом дома.

– Зажги спичку, – попросила Марина.

При тусклом мерцании спички они прочли, что ремонт перехода ведет ДСУ-14.

– Нужно найти кого-нибудь из этого ДСУ, – устало сказала Марина, – они могут знать про Учителя.

И в этот момент за спиной раздался насмешливый голос:

– Мы вам не помешаем, девочки?

Они обернулись, испугавшись, что это инструктор, который объявит сейчас им о неверных действиях. Очевидно, этот испуг отразился на их лицах, если стоявшие перед ними пятеро оболтусов неопределенного возраста начали громко смеяться.

– Чего испугались? – довольным голосом спросил рыжий парень, стоявший впереди. – Вы, девочки, не бойтесь, мы добрые.

Остальные заржали.

– Идите к черту, – зло сказала Мила, она была и без того расстроена своей утренней ошибкой.

– Девочка хамит, – удивился рыжий парень. Марина разглядела, что ему было лет двадцать, не более того.

– Мы здесь в гостях, – миролюбиво сказала она, – просто случайно оказались на улице.

– Сломали забор, – показал на дыру этот наглец. – Это нехорошо. Вы прямо настоящие хулиганки.

Остальные продолжали смеяться.

– Чего ты с ними разговариваешь, – возмутилась Лена, – пошли их куда подальше. Мы опаздываем.

– Нужно с ними поговорить по-хорошему, – предложила Марина.

– Такие типы обычно не понимают нормального языка, – возразила Мила, – а мы опаздываем.

– В общем, так, девочки, – ускорил развязку рыжий. – Вы нас не бойтесь. Мы вас и проводим домой, и все чин чинарем будет. Вместе пойдем, так надежнее будет. А в гостиницу мы к вам принесем водочки. Нас ведь пятеро, а весь город говорит, что вас тоже пятеро. Это хорошее совпадение, правда?

– Мы идем сейчас не в гостиницу, – спокойно возразила Марина.

– А куда вы идете?

– Нам нужен кто-нибудь из этого ДСУ.

– Ночью? – расхохотался рыжий. – Ну вы, девки, даете.

– И все-таки, нам нужен кто-нибудь из этого ДСУ, – твердо сказала Марина.

– Мы не знаем никого, – раздражаясь, ответил рыжий. – Хватит болтать, уже поздно. Мало того, что вы приехали к нам в город, свели с ума всех мужчин своими фигурами, еще и забор сломали. Ладно, девочки, никуда мы не пойдем. Придется вам здесь ночевать.

– Это кто так решил? – спросила Марина.

– Я, – твердо сказал рыжий.

– Сейчас они на нас полезут, – мрачно заметила Лена.

– Ничего, – успокоила ее Мила, – мы раскидаем их за пять минут. Я и без подготовки справлялась с такими в нашем поселке.

– Нет, – отрезала Марина, – здесь не место и не время. Нужно их уговорить.

– Девочки, – вдруг сказал один из парней, – здесь ведь неудобно, идемте куда-нибудь в более теплое место. И не нужно ничего бояться. Мы не кусаемся.

– Нужно идти, – тихо предложила Марина.

– Я сейчас им покажу, – разозлилась Мила.

– Нет, – чуть громче сказала Марина, – мы не имеем права привлекать к себе лишнее внимание. Нам нужно найти человека. Значит, пойдем с ними. Будем держаться до последней возможности. А еще лучше двоим куда-нибудь сбежать. Одна пусть останется.

– Знаешь, что они сделают с оставшейся? – спросила Мила.

– Девочки, кончайте совещаться, – подошел совсем близко рыжий и схватил за руку Лену.

– Мне придется остаться, – сказала Марина.

– Нет, – крикнула Лена, – лучше я. Ты важнее, мы с Милой не сможем закончить игру.

И, развернувшись, ударила рыжего в пах. Тот заорал от боли.

– Назад, – зло крикнула Марина, – иначе мы вам ноги-руки поотрываем.

Пока парни соображали, что произошло, они побежали по направлению к вокзалу. Драться не входило в их планы. Сзади раздавался топот.

– В здание вокзала, – крикнула Марина, – там есть милиция.

Они прибавили скорость. Сказывалась подготовка. Драться с пятью молодыми парнями было глупо и неперспективно. И хотя они были подготовлены более чем хорошо, предсказать исход такой драки было невозможно. В некоторых фильмах еще можно увидеть, как подготовленная профессионалка крушит вокруг себя мужчин. На самом деле это достаточно трудно – справиться даже с одним мужчиной. Женщина остается женщиной, даже очень хорошо подготовленная женщина.

В вокзал они вбежали вместе. Дежурного милиционера, конечно, нигде не было. Топот приближающихся парней был отчетливо слышен, когда Лена показала на комнату начальника вокзала.

– Вы бегите, – сказала она, – я подожду здесь. У него в кабинете они меня не тронут.

Выждав, пока Марина и ее спутница скроются за углом, она подождала еще несколько секунд, и только когда в зал вбежали молодые ублюдки, разбила рукой стекло и закричала на весь вокзал:

– Караул, пожар!

Первым выскочил начальник вокзала. За ним спешил сонный дежурный по станции и еще несколько человек.

– Здорово она придумала, – заметила Мила, когда они были достаточно далеко, – закричала: «Пожар!» – и подняла всех.

– Так и нужно кричать, – заметила Марина, – давай к исполкому. Там наверняка есть дежурный, он должен знать, где живут работники ДСУ.

Еще через полчаса они были в исполкоме и узнали у ошалевшего от неожиданности дежурного, где именно проживают руководитель ДСУ и его заместитель. Во втором часу ночи они стучали в дверь квартиры руководителя ДСУ. Сонный старик не мог понять, кого именно они ищут, он не знал никакого учителя, а его дети давно закончили школы и институты. Визит к главному инженеру оказался более удачным. Он вспомнил, что пятнадцатого они действительно сдают переход, называемый мостом, и там будет группа бригадира Киреева.

Наконец в четвертом часу утра в другом конце города они нашли квартиру Киреева. Испуганная жена, не понимавшая, чего хотят эти незнакомки, сообщила, что муж ночует на загородном участке в двадцати километрах от города. В четыре тридцать, после долгих уговоров, им удалось найти водовоз и всю дорогу терпеливо сносить шипки уже пожилого водителя, не понимавшего, куда так спешат две очаровательные молодые женщины. В шесть утра они разбудили Киреева, выяснив, что парторга их бригады все называют Учителем за его интеллигентную бородку и усы. Заодно выяснилось, что парторг работает учетчиком. В семь десять на дороге у них спустило колесо. В восемь пятьдесят они были в городе. В девять пятнадцать парторга не оказалось дома. В девять сорок три они увидели человека, похожего по описаниям на того, кого им было поручено искать.

– Я привезла привет от вашего дяди, – задыхаясь, сказала Марина.

Она уже не верила в такую удачу.

– Спасибо, – удивился парторг, – но у меня нет дяди.

– Снова ошиблись, – выдохнула Мила, и вдруг они услышали за спиной знакомый голос:

– Спасибо, я давно жду от него вестей. Беспокоился за здоровье племянника. Вы правильно нашли нужного человека.

Они обернулись. Сзади стоял улыбающийся рыжий тип, напавший на них сегодня ночью с компанией. Но теперь он был причесан, в строгом костюме, при галстуке.

– Не удивляйтесь, девочки, – сказал он совсем другим голосом, – все правильно. Так и должно быть. Сейчас девять сорок четыре. Вы нашли нужного человека. Задание выполнено.

И только тогда Марина села на землю. Просто села и закрыла глаза. Мила опустилась рядом с ней.

Парень достал рацию.

– Все в порядке, – сказал он, – они уже здесь.

Сидевший за столом генерал вытер лицо и попросил в микрофон рации:

– Капитан, обеспечьте их всем необходимым и дайте поесть.

Потом открыл свой блокнот и четким, красивым каллиграфическим почерком стал писать:

«Номер первый – Марина Чернова». – Он подумал немного и, ничего не добавив, перешел сразу ко второму.

«Номер второй – Елена Иволгина, может быть использована на работе за рубежом, идеальный помощник, ведомый, жена сотрудника разведки, секретарь посольства. В случае самостоятельных действий нуждается в твердом контроле, обладает необходимой жертвенностью.

Номер третий – Людмила Старцева, может быть использована для особых операций за рубежом в качестве снайпера, ликвидатора, обладает твердым мужским характером, готова пожертвовать своим напарником во имя достижения цели. Для нелегальной работы не подходит, не обладает должным аналитическим складом ума и терпением. Рекомендовать в отдел специальных операций.

Номер четвертый – Гюльнара Азизова, терпеливая, выносливая, спокойная. Иногда проявляет излишнюю уступчивость. На нелегальной работе не может быть использована, так как не обладает нужным аналитическим складом ума, умением полной приспособляемости и должной реакцией на неадекватные решения. Использовать для работы в тактических целях ПГУ.

Номер пятый – Татьяна Яковлева, излишне впечатлительна, доверчива, склонна к необдуманным импульсивным действиям. Не обладает необходимыми аналитическими способностями, но присутствует необходимая коммуникабельность, умение психологически прочувствовать ситуацию. Возможно использовать для работы в тактических целях ПГУ».

«Номер первый». – Генерал снова вернулся к Черновой. Подумал немного и написал следующие строчки: «Обладает исключительными аналитическими способностями. По степени одаренности не имеет себе равных на курсе. Самостоятельна, готова к разумным компромиссам, достаточно независима. Абсолютно чувствует ситуацию. Интуитивно просчитывает варианты, даже не имея достаточных данных. Рекомендовать для работы за рубежом в качестве агента-нелегала. Готова к самостоятельным действиям, может быть использована по линии ПГУ на самых важных стратегических направлениях».

Он еще подумал и дописал одну фразу: «Предлагаю досрочно, до окончания учебных курсов, присвоить ей звание лейтенанта и перейти к индивидуальной программе занятий».

Глава 5

Этот день она запомнила на всю жизнь. Может, потому, что испытания этого дня оказались наиболее сильным нервным потрясением. А может, потому, что в молодости все воспринимается несколько иначе. С годами нервы утрачивают эластичность и все воспринимается уже по-другому.

С утра ничего не предвещало неприятностей. Все было как обычно. Сначала – два часа теоретического курса, затем два часа занятий психологией, и, наконец, они отправились на обычную, регулярно проводимую стрельбу, в которой молодые женщины редко отличались. За исключением Милы, сумевшей каким-то образом освоить столь экзотический вид подготовки и регулярно выбивавшей до восьмидесяти пяти баллов из ста, у всех остальных успехи были куда скромнее. В среднем курсантки их группы не выбивали больше семидесяти пяти – восьмидесяти очков. В этот день по непонятной причине Марина смазала первый выстрел, умудрившись вообще выбить тройку. И хотя потом она отстрелялась неплохо, но на общем результате это сказалось, она набрала очков меньше всех – шестьдесят девять. Так плохо она еще никогда не стреляла. Впрочем, начальство и раньше не придавало особого значения этому элементу подготовки. Справедливо считалось, что разведчик, думающий о своем пистолете, – плохой разведчик, а применивший оружие нелегал уже не может считаться нелегалом. Но по традиции все сотрудники КГБ регулярно проверялись и на этом компоненте подготовки.

Однако в этот раз их не отпустили на привычный обеденный перерыв, а попросили собраться в аудитории, где обычно проходили лекции по истории шпионажа, тактическому мастерству, искусству психологического мышления и анализа. Молодые женщины собрались в аудитории, не зная, для чего их сюда приглашают. За три года пребывания в этом «учебном заведении» у них обычно не бывало изменений распорядка. Дисциплина среди сотрудников аппарата КГБ была образцово-показательной. И вот случился такой срыв.

В зал вошли несколько человек. Марина узнала лысого незнакомца, старого знакомого ее отца, беседовавшего с ней три года назад в кабинете ректора МГИМО перед их распределением и временами даже появлявшегося во время занятий. Идущая за ним Аркадия Самойловна была одета в строгий серый костюм и, как всегда, своим обычным недовольным взглядом смотрела на своих подопечных. Затем вошли еще двое. Один из них был уже знакомый по Москве и памятной встрече с капитаном Бробиной психолог Лев Григорьевич. Второй был руководителем их подготовки – полковник Зотов.

Все четверо расположились за небольшим столом, усевшись, таким образом, перед пятью будущими агентами. У Марины почему-то зануло сердце. Ей показалось, что сегодня Аркадия Самойловна смотрит на нее как-то по-особенному неприязненно. Первым поднялся полковник Зотов.

– Как вам известно, – сказал он, глядя куда-то в сторону, – в вашу подготовку включены различные дисциплины, по итогам которых мы и оцениваем ваши способности к дальнейшей работе. После окончания трехлетнего курса мы просим психологов дать свое заключение по кандидатурам будущих сотрудников нашего управления. – Он не говорил – сотрудниц, подчеркивая своеобразное равноправие всех кандидатов на работу в аппарате КГБ.

Марине не понравились сегодня и лица всех остальных. В том числе и старого знакомого ее отца, смотревшего все время на нее с каким-то нескрываемым интересом, словно пытавшегося увидеть нечто, до сих пор ему неизвестное.

– Именно поэтому, – продолжал Зотов, – мы попросили наших психологов дать заключение по каждому члену вашей группы. Думаем, что это правильно, так как уже сейчас мы должны определять вашу специализацию. Кто-то останется для работы в нашем управлении, кому-то будет предложено перейти в другие структуры Комитета государственной безопасно-

сти либо просто поменять профессию. Надеюсь, вы меня понимаете? В течение трех лет вас не только готовили к предстоящей весьма ответственной миссии, вас еще и проверяли. Не скрою, иногда проверки бывали чересчур жесткими, ограниченные рамками наших требований. И многим из вас пришлось достаточно трудно. Но вы все люди подготовленные, с высшим образованием, уже сформировавшиеся духовно и физически. Поэтому мы и надеемся, что вы правильно воспримете сегодняшнее сообщение психологов и сделаете для себя нужные выводы. Лев Григорьевич, прошу вас, – закончил он, предоставив слово психологу.

Пожилой врач, одетый в темно-коричневый костюм в полоску, встал, несколько смущенно откашлялся, словно собирался начать свою традиционную лекцию, посмотрел на людей, сидевших рядом, затем на молодых женщин, сидевших напротив, собрал листки бумаги, лежавшие перед ним, и начал говорить:

– Как вам известно, у каждой из вас есть так называемый коэффициент интеллекта по шкале Роундерса, который мы высчитываем по своему специальному графику. Но есть еще и показатели психологической устойчивости индивида, его дальнейшей совместимости, его возможности адаптации к трудным условиям существования на нелегальной работе за рубежом. Как вы понимаете, ошибаться мы просто не имеем права. По критериям коммуникабельности, устойчивости, интеллекта мы проверяем таким же образом только командиров подводных атомных лодок и космонавтов. Но с ними все ясно, они люди военные и находятся на конкретных объектах. В случае чего всегда можно вернуть космический корабль или ракету на исходные позиции, в крайнем случае попросить заместителя капитана взять командование на себя, отстранив оказавшегося опасным капитана корабля.

В реальной жизни самая сложная подготовка у будущих нелегалов. Здесь второго шанса просто не бывает. И никаких заместителей тоже нет. И даже страховочной красной кнопки, которой можно отменить всю программу идиота, случайно попавшего на корабль. У нас нет такой кнопки, и мы обязаны гарантировать стопроцентное попадание во всех случаях.

Он любил говорить интересно и долго. Но сейчас, Марина почувствовала, он специально тянет время, так подробно рассказывая об их суровом отборе. Ему нужно сообщить им нечто неприятное, поняла вдруг Чернышева, и он просто успокаивает курсанток своим длинным вступлением.

– Мы учитывали при этом и специфические показатели, о которых многие из вас даже не подозревают. И пришли к однозначным выводам. – Он сделал паузу, снова посмотрел на сидевших рядом с ним людей и сказал: – В основном вы все обладаете высоким интеллектом и устойчивой психикой. Все достаточно коммуникабельны. Просто некоторых можно будет использовать в дальнейшем за рубежом или для работы в нашем управлении, а с другими... – он снова сделал мучительную качаловскую паузу, – мы вынуждены будем расстаться. Конечно, обретенный вами во время учебы опыт не должен пропадать, и вам будут предложены очень интересные, перспективные работы в научно-исследовательских институтах и на оборонных предприятиях.

Марина переглянулась с Леной. Та облизнула губы: кажется, Лена считала, что первым кандидатом на вылет будет именно она.

Лев Григорьевич, закончив говорить, достал носовой платок, осторожно вытер лоб и добавил последний абзац:

– Мы старались исходить из строго научных критериев нашего отбора. Думаю, каждая из вас и без того знает сама, насколько качественно и толково она подготовлена к своей дальнейшей нелегкой работе.

Закончив, он снова оглянулся на всех, почему-то пожал плечами и сел. Аркадия Самойловна посмотрела на Зотова. Тот, поняв, что придется говорить второй раз, поднялся. Достал какой-то листок бумаги.

– Наши психологи решили, – сказал он напряженным голосом, – что три сотрудника вашей группы годятся для дальнейшей работы. Остальные двое... – он все-таки чуть замялся, – будут откомандированы в распоряжение резерва. Вопросы есть?

Все пятеро ошеломленно молчали. Они понимали, что такое должно было когда-нибудь случиться. Но не думали, что это произойдет именно так. Лена все время смотрела на Марину, словно искала у нее поддержку. Она почему-то не сомневалась в том, кто именно будет в числе откомандированных. Марина, напротив, была абсолютно уверена в своем попадании в тройку остающихся.

Зотов посмотрел на сидевших перед ним пятерых молодых женщин. Красивых молодых женщин – некрасивые не прошли бы отбор еще на первом этапе. И стал называть фамилии.

– Остаются, – сказал он напряженным голосом, – Азизова...

Гюльнара чуть улыбнулась, не выдавая своей радости. Она была слишком восточная женщина. И продолжала спокойно сидеть.

Марина восприняла первую фамилию спокойно, за долгие годы учебы она привыкла к тому обстоятельству, что ее фамилия всегда идет в самом конце любого списка. Лена снова тревожно посмотрела на нее. Как она волнуется, подумала Марина.

– ...Иволгина, – назвал вторую фамилию полковник Зотов, и Лена, не скрывая своего восторга, чуть не закричала от счастья. Она обернулась к Марине.

– Мы остаемся, – прошептала она, не в силах более скрывать свои чувства.

Марина почувствовала радость за подругу. Она спокойно ждала третью фамилию, не сомневаясь в результатах этого конкурса. Сейчас Зотов назовет ее.

– ...и, – действительно сказал Зотов, поднимая голову, – ...Людмила Старцева.

Мила даже не обрадовалась. Она только коротко кивнула головой. Марине показалось, что она ослышалась. Лена испуганно оглянулась на нее. И Зотов закончил свое выступление:

– В распоряжение резерва переводятся Чернышева и Яковлева. – Полковник сел.

И только теперь вдруг Марина поняла, кто именно не прошел испытания. Кто вхолостую потратил эти три года. Кто не сумел закрепиться в их группе. Поняла, и дикая несправедливость случившегося ударила ей в голову. Лена растерянно смотрела на нее. Мила взглянула с каким-то злорадством, как всегда радуются поражению столичных жителей провинциалы, сумевшие закрепиться в городе. Во взгляде Азизовой было недоумение.

– Чернышева и Яковлева, – сразу поднялась Аркадия Самойловна, – идемте со мной.

Марина не видела уже ничего вокруг. Она только чувствовала взгляды присутствующих. И поэтому, подняв голову, заставила себя спокойно встать и даже выдавить улыбку для Лены.

– Все в порядке, – чудовищно спокойно произнесла она, сама удивляясь своей выдержке.

Таня Яковлева, не выдержав, расплакалась. Прямо на глазах у всех. К ней подошла Аркадия Самойловна и, взяв ее за плечи, повела к дверям. Марина без лишних напоминаний поднялась и, громко стуча каблуками, прошла к двери. И, не обернувшись, вышла.

– У этой девочки неплохое самообладание, – кивнул Лев Григорьевич.

– Умеет держать удар, – угрюмо произнес генерал. – Разбирайтесь со своими клиентками без меня.

И, поднявшись, тоже вышел из зала.

В другой комнате Аркадия Самойловна успокаивала Таню.

– Не нужно так переживать, Яковлева. Может, это и к лучшему. Выйдешь еще замуж, у тебя семья будет, дети. Чего ты так убиваешься?

– А мужу она расскажет про ваши экзамены, – не удержалась от язвительной насмешки Марина.

– Что ты сказала? – не поняла Аркадия Самойловна.

– Ничего, – махнула рукой Марина. – Что нам нужно делать?

– Идите собирать свои вещи, – безжалостно произнесла Аркадия Самойловна, – вы едете в Москву сегодня вечером.

– Хорошо. – Она повернулась, чтобы уйти.

– Вы ничего больше не хотите мне сказать? – удивилась Аркадия Самойловна.

– Ничего. Хотя нет. Я вам все равно благодарна, Аркадия Самойловна. Спасибо.

– За что? – не поняла строгая наставница.

– За учебу, – объяснила молодая женщина, выходя из комнаты.

Таня вытерла слезы.

– Может, там ошибка? – с надеждой спросила она.

– Нет, – жестко отрезала Аркадия Самойловна, – у нас не бывает ошибок. Иди, собирай свои вещи.

Таня с трудом сдерживалась, чтобы не заплакать еще раз. Когда она наконец ушла, Аркадия Самойловна взглянула наверх, где была установлена скрытая камера. Затем вышла в соседний кабинет, где перед камерами сидел генерал.

– Вы все видели? – спросила она.

– Конечно.

– Вы знаете, мне даже жаль Чернышеву, – призналась Аркадия Самойловна, – она так здорово держится.

– Так решили психологи, – недовольно заметил генерал, – из нее не получится хорошего разведчика.

– Это странно, – призналась Аркадия Самойловна. – Я ведь здесь работаю уже много лет. Мне казалось, что она как раз подходит нам больше всех остальных. Немного характер был дерзкий, но девочка умная, толковая.

– Видимо, характер и сказался. – Генерал видел, как Чернышева собирала свои вещи. Яковлева, напротив, сидела в полной прострации на своей кровати.

– Помогите Яковлевой, – попросил он Аркадию Самойловну, отключая микрофоны.

Через полчаса женщины вышли во двор со своими чемоданами.

– Они нам не разрешат попрощаться с девочками? – спросила Яковлева. Глаза у нее были красные.

– Не знаю, – сквозь зубы ответила Марина, – может, и не разрешат.

К ним вышли Зотов и Аркадия Самойловна.

– Вас посадят на поезд, – сказал полковник, – в Москве явитесь по известному вам адресу, доложите, что прибыли в их распоряжение. Все ясно?

– Ясно, – за свою подругу и за себя ответила Чернышева.

– Поедете в разных вагонах, – хмуро добавил полковник, – и на вокзале, если даже увидите друг друга, не подходите с расспросами. Вы офицеры КГБ, не забывайте об этом. Просто теперь вас будут использовать несколько по другому направлению.

Подошла машина. Это был обычный крытый грузовик. Пожилой прапорщик-водитель поднял их чемоданы в кузов.

– До свидания, – сухо сказала Аркадия Самойловна.

– До свидания, – также без эмоций произнесла Чернышева и первой полезла в грузовик. Таня всхлипнула, кивнула всем и полезла следом. Когда машина выехала со двора и дежурный офицер бросился закрывать ворота, Марина чуть нахмурилась. Она не думала, что все может закончиться так. Но всю дорогу до вокзала молчала. На вокзале строгий прапорщик выдал им билеты в разные вагоны и даже не помог нести чемоданы. Марине пришлось тащить свой тяжелый чемодан одной. На вокзале маленького городка не было привычных столичному жителю носильщиков.

Она вошла в вагон. К ее удивлению, место у нее оказалось в купе, где, кроме нее, уже сидела какая-то семья – отец, мать и их любознательный сын-пионер. Марина еще умудрилась

поднять свой чемодан наверх, переговорить с будущими соседями по купе и выйти в туалет. И только запершись там, она расплакалась. Это был какой-то выстраданный плач, короткий и злой, будто прорвавшийся внезапно гнойный чирей, за которым обычно идет кровь. Проплакав так полминуты, она наконец успокоилась, вымыла лицо, вытирая его полотенцем до боли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.